

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 36

1986

Ольга СОЛЯНИК

ОГНИ НАШЕЙ ЮНОСТИ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 36

Ольга СОЛЯНИК

ОГНИ
НАШЕЙ ЮНОСТИ

Москва. Издательство «ПРАВДА».
1986

Ольга СОЛЯНИК

Ольга Федоровна Соляник родилась в селе Балки Васильевского района Запорожской области. После изгнания немецко-фашистских захватчиков из Запорожья вместе с подругами выехала на восстановление Днепрогэса.

За самоотверженный труд О. Ф. Соляник была награждена Почетной грамотой Министерства электростанций СССР, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», орденом «Знак Почета».

В 1982 году на конкурсе читателей «В семье единой» была удостоена первой премии журнала «Огонек».

Сразу, как только машина подкатила к Днепру, меня оглушил мощный гул и грохот. Впереди в туманной мгле что-то ворочалось, ползло,плыли огни, сыпались искры, слева и справа в черной бездне шумела вода. Тяжелые водопады с глухим рокотом катились в пропасть. К нам летели студёные брызги, влажная прохлада обжигала щеки.

Девчата, приехавшие со мною, тоже с жадностью всматривались во мглу, немного пугаясь ее таинственности.

— Оживает плотина, — засмеялась шустрая курносая девушка с певучим, с хрипотцой голосом, которая пришла встречать нас. — Как доехали? Хорошо? Ну и отлично. Теперь вы дома. Давайте знакомиться. Я Аня Лошкарева. Приехала сюда с Урала. А вы?

— Мы местные, — ответила стоящая рядом со мной девушка, одетая в простенькое ситцевое платье. — Я Даша Юрченко, с Хортицы. — И кивнула в нашу сторону: — Они тоже из ближайших сел. А эта, — озорно сверкнув глазами, она обняла высокую белолицую соседку, — моя односельчанка Нина Курило.

— А я Нина Федоренко, — назвала себя худощавая черноволосая девушка. За ней произнесла свою фамилию и имя высокая беленькая Надя Сидельникова, худенькая Валя Огородова. По разговору я поняла, прибыла Валя откуда-то с Волги.

— А я из Балок, — шагнув вперед, представилась я.

— Далеко это? — спросила Аня Лошкарева и участливо посмотрела на меня.

— Верст восемьдесят отсюда, не больше.

— Комсомольцы? — вдруг спросил кто-то приятным баритоном. В свете огня, что падал из окна длинной, как сарай, хаты, я увидела высокого, крепко сбитого мужчину лет сорока, одетого в синюю куртку.

— Добровольцы, Болеслав Иванович, — отозвалась Аня Лошкарева. — Двое из России, как и я, а остальные запорожские.

— Это хорошо, что добровольцы. Молодежь нам нужна. Ну что будем делать?

— Переправляться на тот берег поздно уже, Болеслав Иванович. Ветрено, Днепр бунтует.

— Конечно. Зачем рисковать.— Болеслав Иванович подошел к нам, стал рядом с высокой белолицей девушкой с пухлыми вишневыми губами, кивнул в сторону хаты.— Переночуете в гостинице, а утром будем перебираться на правый берег. Там большие дела развернулись. Немцы много бед натворили. Ну ничего, осилим, еще лучше сделаем.— Он вдруг улыбнулся, обнажив ровные, крепкие зубы.— А тем более с такими, как вы, добровольцами. Не жалеете, что приехали?

— Ой, что вы, Болеслав Иванович,— запросто, как давно знакомому, возразила Нина Курило.— В деревне только и разговору, что о Днепрогэсе. Старики и те собирались ехать с нами.

— Вы что-нибудь умеете делать?

Нина вполне серьезно ответила:

— А как же не умеем: полоть, доить коров, платки вязать...

— Здорово! — рассмеялся Болеслав Иванович.

— Так и должно быть,— поддержала Нину Аня Лошкарева.— Где жила, тому и научилась.

— Все верно,— согласился Болеслав Иванович.— Но эти специальности здесь не потребуются. Нам надо восстанавливать электростанцию, по существу, строить ее заново. А это значит: надо уметь и бетонировать, и варить металл, и бурить шпурсы. Короче говоря, если есть желание,— профессором стать недолго.

Девчата оживились.

— В селе у нас говорят, что немцы, перед тем как отступить, бомбами разворотили плотину. Все смели подчистую.

Болеслав Иванович вдруг посуровел. Его лохматые широкие брови сдвинулись. В глазах сверкнул зеленый огонек.

— Пытались и подчистую смести плотину — это верно. Но им не удалось осуществить свой коварный план. Наша разведка донесла: фашисты готовят взрыв плотины с помощью бомб, которые они заложили в донных отверстиях. Нашлись смельчаки из числа минеров и водолазов, успели вовремя перерезать провода, обезвредить бомбы. Но все же разрушений много. Больше всего досталось правой части — машинному залу, мосту и плотине... Все это придется возродить заново.

Болеслав Иванович посмотрел на часы и, улынувшись простой и доброй улыбкой, заключил:

— Ну мы еще не раз поговорим об этом. А сейчас располагайтесь на отдых.— И обратился к Лошкаревой: — Аня, веди их в гостиницу.

Мы прихватили свои нехитрые вещички и направились к хате. В первой половине ее ярко горела лампочка. За столом перед большим

рыжим листом бумаги сидело трое мужчин средних лет в белых простых рубашках и зеленоватых брюках из грубого материала. Я поняла, что это инженеры: они говорили о шлюзе, каких-то затворах, подъемных механизмах...

В другой комнате, полусумрачной и душной, пахло вяленой рыбой, водорослями и еще чем-то, напоминающем о близости реки. По левую и правую стороны стояли широкие нары с матрацами, застеленные не первой свежести простынями, и с твердыми подушками. На запыленном окне, запутавшись в паутине, жужжала муха.

— Вам повезло, девочки,— сказала Аня, первой перешагнув порог.— Сегодня гостиница свободная. Здесь полный комфорт.

Мы поняли шутку, но не рассмеялись. В такой обстановке, может быть, и действительно это был комфорт.

Аня подошла к окну, распахнула створки. Влажный ветер тут же наполнил комнату приятной свежестью.

— Так и дышится легче.— Она вздохнула всей грудью.— К вашим услугам и Днепр, и степной аромат.

— А кто такой Болеслав Иванович? — спросила Нина Курило.

— А я и не познакомила вас! — спохватилась Ложкарева.— Это Данилович, начальник управления левого берега, он ведет все бетонные работы. С ним, девочки, придется нам трудиться. Как вы видели, приветливый человек, чуткий руководитель. Да у нас на стройке и нет грубых людей. Вот начальник Днепростроя Логинов Федор Георгиевич на вид вроде бы и суровый, а душу тебе отдаст. Только всегда четки перебирает. С ними он не расстается никогда. Говорят, они нервы успокаивают. Такая стройка, столько народу понаехало: каждого устрой, определи на работу... А на строительных площадках возникает то одно, то другое. И все надо решать быстро и четко. От этого зависит слаженность в работе большого коллектива. Тут нужен человек с крепкими нервами и светлой головой, как говорят.— Она помолчала с минутку и улыбнулась.— А тут с ним один случай произошел. Едет он из Днепропетровска, сам ведет легковушку. Видит на развилке военный с чемоданчиком машет рукой. Логинов приостановил машину, спрашивает: «Куда, товарищ?» «В Запорожье». «Что ж, садитесь, подвезу». Едут, а майор и говорит, что направляется он на Днепрострой работать. «Это хорошо,— отвечает Логинов.— Стройка большая, люди нужны». «И я так подумал,— продолжает майор,— да слышал, что там начальник слишком суров. К нему, говорят, страшно подступиться». Логинов спокойно отвечает: «Все может быть. Но кому-кому, а вам-то, товарищ майор, не к лицу бояться. Такую войну прошли, Гитлера не испугались. А тут какого-то начальника...» Посмеялись, расстались весело. А на другой день майор приходит в главконтору. «Мне нужно к начальнику стройки,— говорит он секретарше,— на работу устроиться». «Проходите,— отвечает она,— Федор Георгиевич у себя».

Майор вошел в кабинет и остолбенел. Перед ним в кресле сидел вчерашний шофер. Логинов по натуре действительно суровый, редко когда улыбается. А тут со смешинкой в глазах посмотрел на майора и предложил: «Садитесь, товарищ майор. Слушаю вас». «На работу я бы хотел устроиться». «Работ у нас много. Выбирайте по специальности...» «Какая у меня специальность? Я десять лет протрубил в армии... Разве только шаг отработал. Пехотинец я, пол-Европы прошел, без промаха врага сек. Вот и моя специальность». «Что ж, нужная специальность.— Логинов на этот раз улыбнулся.— Вижу, боевой вы товарищ, коли даже начальника стройки не испугались. Такого бы мне диспетчера иметь...»

Много и интересно рассказывала нам Лошкарева о стройке и о ее людях, какие нас ждут трудности. Мы долго не могли уснуть в эту ночь. Каждая из нас думала о предстоящей работе, о своей девичьей судьбе. Как она сложится здесь, на стройке, что ждет нас впереди?

2

Проснулась я раньше всех, быстро оделась и сбежала с косогора к Днепру умыться. Солнце еще не взошло, но горизонт уже польхал ярким красным полотнищем, а немного выше его застыло косматое огненное облако. Оно отражалось в водной глади, и, казалось, река горела. А совсем рядом всю ее ширину пересекала темная израненная плотина. Повсюду торчали балки из развороченной взрывом ее проезжей части, перекошенными висели шандоры, когда-то закрывавшие водосливные пролеты. Не было тех строгих линий и симметрии, той стройности, которые я видела в мирные дни.

Сверху послышался говор, смех — к реке по откосу бежали девчата. На ходу они сдергивали с себя платья, кофточки, старались перегнать друг друга. Но стоило им увидеть развалины плотины — сразу же смолкли, остановились.

К хате мы возвращались притихшими, погрустневшими.

— Девочки, быстрее,— крикнула нам с косогора Лошкарева.— Баркасы для нас поданы.

Днепр хоть и ушел в свои прежние берега, все равно выглядел широким и могучим. Далеко желтел его противоположный берег, а справа, в стороне, зеленой рощей над водной гладью вставал остров Ленина.

Мы расселись по баркасам. Первым правил белокурый, конопатый мальчишка в потрепанном пиджаке, а вторым — старик с седой бородой.

— Нина, садись за весла,— крикнула тоненькая с веснушками на худом лице Надя Сидельникова.

— Не дури, дочка.— Старик строго посмотрел на нее.— Днепр, не смотри, что тихий, шутить не любит.

Баркас шел ходко и ровно, оставляя за собой пенистый след на воде. Девчата, схватившись за борта, напряженно всматривались в плотину. Она как бы плыла в утренней мгле. Ни шума, ни грохота. Над разрушенными бычками кружились черные птицы.

На стремнине река забурлила, потянула баркас к плотине. Старик, орудя веслами, напрягся. На лбу его выступили капельки пота. Моя односельчанка рыженькая Полина Ковш, свесив за борт баркаса голову, вскрикнула:

— Ой, страшно как! — и прижалась ко мне.

В темной глубине реки под баркасом белесыми спиралями крутились буруны.

— Сиди ты, не смыгайся, — сердито прикрикнула на нее Надя Сидельникова. Нина Курило, словно не замечая беспокойства подруги, тихо запела:

— Реве та стогне Дніпр широкий...

Голос ее поплыл над посветлевшей зеркальной гладью реки.

— Правильно, дочка, — одобрил ее старик. — Спою, спою. Песня бодрость придает, настроение поднимает. Старый становится молодым, а молодой — героем.

Баркас выровнялся и, чуть-чуть покачиваясь, мягко разрезал воду, гнал от себя мелкие крутые волны. В уключинах поскрипывали весла. Нину Курило поддерживали другие девчата, и песня плыла над Днепром широко, привольно. Старик улыбался. Песня, видать, радовала его, будоражила воспоминания.

— Днепр шутить не любит, — еще раз напомнил он. — Буен он и капризен. До того, как построили плотину, он лихо бушевал на своих каменных порогах. Верстах в сорока вверх знаменитый Ненасытец в щепки разбивал челны печенегов. Там князь Игорь Святославич переправлял на другой берег свою конницу. Об этом говорит чугунная плита. Ее установили в память о том времени.

— Она залита водой? — поинтересовалась Нина Курило.

— Как появилась плотина, дочка, так плита и осталась на дне Днепра. И пороги усмирили. А знаете, почему город назвали Запорожьем? Не знаете? А оттого, что он находится за порогами. А дальше Хортица, остров на реке. Днепр двумя рукавами, как бы хомутом, охватывает его. Тоже древнее интересное место. Там когда-то запорожские казаки сборы устраивали. — Старик кивнул в сторону реки, прищурился. — Одним махом, дочки, не перескажешь всего. Днепр наш — это легенда. Много о нем сложено песен, немало написано книг. И еще больше сложат и напишут. — Он вывел баркас к небольшой деревянной пристани, сделанной на скорую руку, и, помолодому выскочив на помост, скомандовал: — А ну, дочки, выходите. Приехали.

На баркасе сразу все ожило. Девчата одна за другой стали выбираться на берег, где их уже поджидала Лошкарева.

— Жить будем в общежитии,— сообщила она, поднимаясь в гору.— Правда, удобства там не ахти какие, но со временем все устроится.

Мы прошли в глубь поселка, повернули к низкому полуразрушенному дому барачного типа. Окна забиты железом и досками. В пустой комнате пахло пылью и мышами. В углах нависала черная паутина. Надо было все мыть, чистить, приводить в порядок. Нашли тряпку, принесли из кладовки ведра. Вскоре с пучком ивовых прутьев зашел к нам и комендант общежития: средних лет мужчина в солдатской гимнастерке, с заправленным под пояс брюк левым рукавом.

— А ну, девчонки, берите-ка вот, вяжите метелки,— обратился он к нам с улыбкой.— А я сейчас сенца принесу, и почувствуете себя, как в царских хоробах.— И тут же исчез в дверях.

А у нас уже кипела работа: мыли пол, обметали паутину, приводили в порядок окна. Лошкарева носила воду, мокрой тряпкой протирала двери. Все она делала быстро и умело, весело напевая какую-то песенку.

— Ты, как метеор, Лошкарева,— заметил комендант, снова появившись на пороге.— На фронте такую взяли бы в разведку.

— В разведку вряд ли, Семен Семенович, храбрости мало. А вот на поле боя ни одного раненого не оставила бы.

— Не было бы храбрости, не послали б тебя на самый трудный участок щитовой стенки,— возразил комендант.— Хорошие люди всегда на виду. Если б мог, и я поработал! Когда строили ДнепрогЭС, я монтажником был, верхолазом. Бывало, поднимаешься на порталный кран, и душа замрет: какая ширь, какой простор! Недаром люди создали вокруг ДнепрогЭСа всякие были и небылицы.

Он снова исчез и появился с кусками стекла для окон. А когда все было выметено и вымыто, принес вязанку свежего сена и, подойдя к Лошкаревой, улыбнулся:

— Устраивайтесь поудобнее.— И, взглянув на меня, подбодрил:— Не скучай, малышка. Народ у нас веселый: работать — так работать, а плясать — так пыль столбом.

Кажется, ничего особенного не было в словах коменданта, однако на душе стало по-домашнему уютно. Хотелось сделать что-то доброе.

Когда Лошкареву вызвали в контору, мы навели порядок возле барака: вывели дорожку, расчистили кустарник, убрали газоны и запущенную цветочную клумбу.

Управившись с домашними делами, я устроилась в уголочке комнаты, решила написать письмо своим родным. Вырвала листок из тетради, нашла огрызок карандаша, стала выводить буквы. Всем по очереди передала поклон. Особенный привет послала старшим сестрам Кате и Шуре. К ним я была как-то ближе и чувствовала их поддержку. Я хорошо помню, как они, да и все родные, переживали за меня, когда

немцы собрали нас, девчат, и повезли в районный центр, чтобы отправить в Германию. Хорошо, что я вместе с тремя девочками попала на повозку к доброму колхознику Ивану Самойленко. Довез он нас до окраины районного центра Васильевки и, повернувшись, сказал:

— Давайте, девочки, разбегайтесь. Я как-нибудь выпутаюсь... Скажу, ушли по нужде и не вернулись.

Мы взяли кружки, вроде бы решили зайти в хату воды попросить. Но убежать было не так-то легко. Обоз с пленниками тянулся огромный, конвоиры не спускали с него глаз. Мы зашли за калитку, а там огородами да переулками пробрались на другой край.

— Я тут траншею копала, — сказала старшая из нас, Катя Савченко, — а квартировала у одной женщины. Она живет на краю села, у самого поля, и спрячет нас. На нее можно надеяться. Немцы ее крепко обидели.

Хозяйка дома сочувственно отнеслась к нам, посоветовала залезть на чердак и сидеть там тихо, пока она не подаст знак. Снабдила нас хлебом, картошкой. Слышим — полицай пришел и говорит, что много девчат разбежалось, будут ловить и строго наказывать, а кто укрывает их — вешать. Женщина, по всему виду, самогонку гнала. Угощает его и смеется: если, говорит и убежали, то ищи их в поле, а из жителей вряд ли кто осмелится пойти на такой риск.

Трое суток провели мы на чердаке. На день хозяйка замыкала свой дом и куда-то уходила. На четвертые сутки прибежала и заторопила нас:

— Уходите, девочки, немедленно, не то худо будет. В селе идет повальная облава. Немцы прямо озверели: людей порют плетками, травят собаками...

И мы ушли. Днем сидели в лесопосадках, оврагах, грызли кукурузу. Потом скрывались в небольшой степной деревушке Шмальки у моих родственников. Там мы прятались до тех пор, пока все не успокоилось. Дома я не была и недели, как отец приказал немедленно уходить. Гитлеровцы снова забирали молодежь.

В те черные годы люди еще теснее сплотились между собой, помогали друг другу, оберегали тех, кто открыто выступал против захватчиков. В одном селе девушка сумела расправиться с тремя фашистами и ушла в плавни, в другом — группа подростков за погибшую подругу убила офицера.

Много ходило слухов о подвигах людей, и среди них особенно отличались мои сверстники. Но ни мне, ни подругам, которые приехали со мной на Днепрострой, не довелось свершить ничего яркого, героического. Правда, мы как могли, так и мстили врагу: скрывали имена тех сельчан, которые совершали ночные набеги на немецкие посты, знали места, где располагались партизаны в плавнях и даже пароли, не раз доставляли им продукты и донесения об

обстановке в селе, приносили и оружие, которое удавалось выкрасть у немцев. Однажды мы пробирались степью в соседние деревни Скельку, Орлянку, Михайловку, чтобы передать сигнал партизан о предстоящем наступлении...

В своем письме я приглашала на стройку своих любимых сестер Катю и Шуру. Уверяла их, что здесь наше будущее.

Из главконторы пришла Лошкарева.

— Ну, что? — бросились мы к ней.

— Мне поручено собрать бригаду, — сообщила она и достала блокнот. — Работа будет тяжелая. Предлагают рубить перегоревший кабель в машинном зале.

— Пиши меня, — первой отозвалась Нина Курило.

— И меня, Валью Огородову.

Лошкарева посмотрела на маленькую скуластенькую девчонку и мягко улыбнулась.

— Хорошо, Валя, будем работать вместе. Оксана Василенко? Записываю. Такие живые девчата стройке особо нужны.

Затем она перевела взгляд на Дину Рахимову, маленькую, щуплую девушку с жесткими белобрысыми волосами. И та согласно кивнула.

— Записывай и меня, Олю Соляник, — попросила я. — Куда все — туда и я.

— Правильно, Оля. Отставать от других нам не к лицу.

В бригаду записались и Полина Ковш, и Нина Федоренко, и сестры Даша и Соня Юрченко, и Ксана Серивля, и Мария Серая — все двенадцать человек, которые приехали сюда добровольно и по путевкам комсомола.

3

Да, на правом берегу фашисты оставили больше разрушений, чем на левом. Были превращены в руины и щитовая стенка, и плотина, и машинный зал. Из сорока семи водосливных пролетов уцелело только четырнадцать. Такая безрадостная картина на всех нас навела унылость. Куда только девалась и резвость Нины Курило! Серой и какой-то безжизненной показалась мне Полина Ковш. Надя Сидельникова, обеда нас ироническим взглядом, с вызовом бросила:

— Чего, девчонки, приуныли? Мы еще посмотрим кто кого: разруха нас или мы разруху!..

Эти слова как бы расшевелили нас. Мы сразу же заговорили, заулыбались. Только Полина Ковш по-прежнему стояла угрюмой, молчаливой, будто ее все это и не касалось.

Рядом с руинами мы увидели уже поднимающиеся первые каркасы возрождающегося машинного зала, на которых висели красочные плакаты: «Даешь Днепрогэс!», «Мы вновь зажжем огни Днепра!», а по улочкам и переулкам, по всему берегу сновали автомашины и платформы. Они подвозили брусья и доски и отвозили на свалку мусор, жгуты испорченной проволоки, искореженный металл, железо-

бетонные глыбы... Тут же, у щитовой стенки, без усталости вертелись коренастые козловые краны, без умолку грохотали лебедки, а ниже, словно пулеметы, трещало бесчисленное множество перфораторов и пневматических зубил, гудели компрессоры...

Лошкарева, приподняв голову, посмотрела вокруг:

— И правда, девчонки, чего унывать? Одолеем, на то мы и добровольцы... — И первой стала спускаться со щитовой стенки к машинному залу. Осторожно, друг за дружкой последовали за ней и мы. Вокруг все было завалено обломками бетона, досками и разбитыми плитами...

Двери и потолок, стены и окна в помещении машинного зала — все было в пробоинах и трещинах. Казалось, будто какое-то огромное страшилище выгрызло их стальными зубами. В зале нас встретил начальник управления работ правого берега Медведев. Запыленный, в испачканной спецовке, он был чем-то озабочен, говорил мало, то и дело хмурился.

— А-а, добровольцы, — поприветствовал он нас и сразу же, переходя к делу, показал на стены: — Этот кабель негодный. Его надо снять, вырубить.

— А как же мы его достанем? — спросила Надя Сидельникова.

— Об этом позаботились плотники. А ну, ребята! — крикнул он из зала. — Заносите козлы и лестницы. — И обратился к Лошкаревой: — А вы, Аня, получайте молотки и зубила, топоры и прочее. И начинайте трудиться. Зал для вас — ударный фронт.

Мы помогли плотникам затащить козлы и деревянные стремянки, сходили за инструментами, а вскоре зал огласился грохотом и пронзительным скрежетом. Пыль облаком поднималась над головами, шрапнелью полетели камни, засверкали высекаемые из кабеля искры.

Сначала работа показалась не такой уж и трудной. Но не прошло и часа, как Полина Ковш отбросила от себя молоток и проронила:

— Ой, это не под силу. Руки онемели.

Мы на ее жалобу не обратили внимания и продолжали свое дело. Но вскоре поняли, что она была права. У нас заломило руки, невыносимо заныли спины, а в глазах зарябило. Пыль лезла в глаза, нос, уши, хотелось вдохнуть свежего воздуха, но он не мог пробить серую завесу. Сердце стучало напряженно, как молот. Но хотелось рубить и рубить, как можно больше снять со стены кабеля, не подавая виду, что ты уже выбилась из сил. Передохнув, я осмотрелась: Нина Курило двигалась неторопливо, расчетливо, сберегая свои силы; Надя Сидельникова, наоборот, куда-то торопилась, словно боялась отстать. Дышала она тяжело, по ее лицу стекали струйки пота. И тут я увидела Дину Рахимову. Согнувшись на стремянке, она, увлекшись делом, казалась, ничего не замечала вокруг. Щеки ее горели, мокрые волосы прилипли ко лбу. Она с силой била молотком по зубилу, но все равно удары ее были слабыми. Однако девушка не хотела сдаваться, упорно и

терпеливо продолжала работу. Другие девчата, очевидно, привыкшие к тяжелому физическому труду, рубили кабель ровно, без особых усилий. Особенно мое внимание привлекла Аня Лошкарева. Она с размаху ударяла молотком по зубилу, легко пересекала проволоку, снимая один конец за другим. Работала увлеченно, без лишней суеты и напряжения. Глаза ее весело поблескивали. Я по-хорошему позавидовала ей и, прикусив губу, чуть не расплакалась от бессилия. Взглянув вдруг на Дину Рахимову и на меня, она опустила молоток и с горечью в голосе проговорила:

— Ой, девчата, неужели вы никогда не работали физически? Ну, кто вас торопит? Сколько сделаете — и хорошо. — И добавила: — В работу надо втягиваться постепенно, не надрываться, не то мозоли набьете, да и не разогнетесь завтра. Сегодня не успеем — на другой день нагоним. Передохните малость.

Усталыми и разбитыми мы вышли из помещения на свежий воздух. Днепровский ветер нежно обласкал наши запыленные лица, приятная истома разлилась по телу.

— Хорошо-то как! — воскликнула Нина Курило. — Сейчас бы и окунуться не мешало. А?

— Окунемся после работы, — за всех ответила Надя Сидельникова, расправив светлые мягкие волосы, словно дав им возможность подышать речной прохладой.

— Правильно, Надя, — одобрила Лошкарева. — Сначала дела, потом уж и собой заниматься, — и, будто вслушиваясь в шелест листьев клена, тихо-тихо запела: — «Выходила на берег Катюша»... «На высокий на берег крутой...» — подтянули ей и остальные.

Палило солнце, слабый ветерок покачивал верхушки прибрежных кленов, тихо шуршал листвой. А песня легкая, тягучая взметнулась вверх и поплыла над синевой Днепра. И нам вдруг стало хорошо и весело. Повязав потуже платки, подобрав под них волосы, мы снова заняли свои рабочие места: кто забрался на козлы, а кто на стремянки, а некоторые прямо с пола начали рубить кабель. Легче задвигались руки, увереннее зазвенели зубила.

— Жжем, Аня? — услышала я позади себя незнакомый голос и обернулась. На середине машинного зала стоял сухонький, маленький мастер. Темные глаза его беспокойно метались то в одну сторону, то в другую.

— Жжем! — озорно отозвалась Лошкарева. — Только не спешим.

— Как же так? — насторожился мастер. — Время не ждет

— Я запретила девчатам надрываться. Пусть постепенно втягиваются в работу. Потом нагоним.

— Разумно, разумно, — неожиданно согласился мастер и заторопился к дверям.

Незаметно подошло и время обеда. Помыв руки и сполоснув лица, мы гурьбой направилась в столовую. И только стоило перешагнуть ее порог, как сразу же почувяли запахи квашеной капусты и свеклы.

Положив на стол полученный еще утром по карточке хлеб, мы дождались, пока принесли нам первое блюдо. Щи были жидкие и кислые, сваренные без всяких приправ. На второе мы получили овсяную кашу. Она оказалась сухой и почти без жира. Компот же был едва сладкий.

— Не жирно, — вылезая из-за стола, недовольно пробурчала Полина Ковш. — А отдачи требуют.

— С таких харчей и ноги протянешь, — поддержала ее Дина Рахимова и угрюмо вздохнула: — А есть так хочется. От ужина тоже хорошего не жди.

— Так и будет, — взглянув на нее, согласилась Лошкарева. — Не следовало бы сразу уминать хлеб, а теперь целый день ходи голодной.

— А если его мало?

— Что поделаться, война. Ты его дели на дольки. Постепенно втянешься, и будет хватать. По двести граммов на завтрак, обед и ужин — еще куда ни шло. Режим, девочки, вырабатывает терпение.

— После такой тяжелой работы вряд ли поможет режим, — зло бросила Полина Ковш. — Без мяса да хлеба не потянешь.

— Мало мы еще с тобой пережили в эти тяжелые годы. А посмотрели бы на ленинградцев! Они и голодали и боролись. Уметь надо держать себя в руках, а не ныть.

Лошкаревой никто не возразил. Ее слова каждый из нас принял по-своему. А когда до конца были съедены домашние припасы, тогда то у одной девушки, то у другой начал проявляться свой характер. В основном же все следовали совету нашего бригадира: хлеб, сахар и масло делила на три равные дольки. Но Дина Рахимова по-прежнему съедала свои шестьсот граммов хлеба, если не в раз, то в два раза, а потом гоняла ложкой пустой суп или щи.

Как-то Лошкарева попыталась отобрать у нее пайку хлеба, чтобы разделить на части.

— Не дам! — грубо оттолкнув ее, закричала Дина. — Ты не имеешь на это право... — Она зажала кусок хлеба так, что побелели косточки пальцев.

— Да оставь ты ее в покое, Аня, — вмешались в спор девчата. — Это ее дело. Не хочет доброго совета слушать, ну и пусть...

— Ничего подобного, — возразила Лошкарева. — Это и наше дело. Она же обессилеет...

— Хорошо, — подала голос Нина Курило, — давайте сделаем так: пусть хлеб получает кто-то из нас один. Делит его и выдает порциями. Идет?

— Придуманно отлично, — восторженно произнесла Надя Сидельникова. — Тогда из нас никто не останется обойденным. Режим так режим.

— Я «за», — подняла руку Валя Огородова. Ее поддержали всегда спокойные сестры Даша и Соня Юрченко, Мария Серая, Нина Федоренко, Ксана Серивля... Промолчала лишь Полина Ковш.

Не все время мы рубили кабель. Лошкарева чередовала нам тяжелый труд с более легким. Это помогало сохранить силы, постепенно втянуться в разнообразные работы. Мы расчищали завалы, грузили обломки бетона на платформы... Прошло месяц-два, и мы уже освоились со стройкой, ко многому привыкли, втянулись в работу.

Напротив щитовой стенки на высоком берегу Днепра, словно лес, вздымались мачты открытой подстанции с густой сетью проводов и перемычек, траверсами и изоляторами. Часто оттуда к нам в машинный зал заходила комсорг Днепрэнерго Тамара Федосеева. Она всегда рассказывала нам что-то интересное, поднимала наше настроение.

— Ребята с подстанции из-за вас на обед не ходят,— пошутила она однажды и посмотрела на нас, что мы скажем в ответ.

— Это почему же?— насторожилась Лошкарева.

— Говорят, девчата не отрываются от своего горелого кабеля, рубят его с утра до вечера, а как же мы можем...

— Откуда они взяли? Им не видно из-за щитовой стенки, когда мы идем в столовую. Пусть обедают, иначе отощать могут,— не поняв шутки, заботливо посоветовала Лошкарева.

— Мы носим им обед на мачты,— уже серьезно сообщила Тамара.— Как-то мастер Чернокижний принес Ване Конькову зарплату и просит его сойти с мачты, расписаться, а тот варит ригеля и не слышит. Не заметил и когда искра попала на телогрейку. «Горишь, Коньков!»— закричал ему мастер. А он знай себе варит. И лишь тогда спохватился, когда припекло. Не хотяя ребята уступать и вам.— Она показала на высокий выступ левого берега реки, который виднелся напротив острова Хортицы, на огромную мачту.— Ого, уже поставили. Лебедками и кранами десятки тонн поднимали. Теперь ей стоять и стоять...

Мы смотрели на мачту и думали: недалеко то время, когда по ней пройдет ток в Никополь, Кривой Рог, Приднепровье и Донбасс.

А когда Тамара ушла, Даша Юрченко заметила:

— С Урала приехала, вместе с Аней. Работала там токарем. Пришлось хватить ей лиха.

— Откуда ты взяла?— спросила я.

— Аня рассказывала. Родилась она где-то под Ленинградом. Жила, как и все мы, под ярким солнышком. Поехала к сестре на западную границу, и вдруг война. Муж где-то уже сражался, а она вместе с другими беженцами пробиралась на восток...

Мы молча приступили к работе. Снова застучали молотки, зазвенели зубила, а над головой поднялись облака пыли.

Как-то перед концом смены мы увидели коменданта. Он был необычно подвижным и возбужденным.

— С какими вестями, Семен Семенович?— подходя к нему, пошутила Лошкарева.

— С хорошими,— радостно засмеялся тот.— Вот сетки подвариваем на кровати. Переходим в благоустроенное общежитие. Будете жить, как сказочные королевы.

— Вот это новость!— восторженно воскликнула Надя Сидельникова и, подскочив к коменданту, поцеловала его в щеку.

Тот смутился, порозовел.

— Вы так можете поставить меня в неудобное положение,— пробормотал он и зашагал своей дорогой.

Сообщение Семена Семеновича обрадовало нас всех, только Полина Ковш держалась в стороне, словно ее эта новость и не касалась.

Вечером мы гладили свои немудреные платья и кофты, торопливо собирали и связывали в узлы пожитки. Особенно усердно старалась Полина Ковш. Она аккуратно уложила свои вещи, туго стянула их в узел и раньше других улеглась в постель. А утром ее с нами не оказалось.

— Где же она?— встревожилась Лошкарева.— Уж не случилось ли чего?..

— Беспокойство твое напрасное,— сказала я.— Сбежала, и все. Разве ты не замечала, как она все время сторонилась?

— Писать надо в село. Пусть вернется,— наперебой заговорили девчата.

— Зачем?— решительно выступила вперед Нина Курило.— Мы что, без нее станцию не сможем построить?

— Обойдемся и без нее,— согласилась Валя Огородова.

Дезертирство Полины Ковш не на шутку расстроило всех. Как же так: среди нас был человек, который, по сути, предал завалы, опозорил. Но, с другой стороны, это еще больше сплотило бригаду. Мы как бы стали ближе друг к другу. Молча, без ропота брались за любое дело и старательно выполняли его.

А вскоре нас перевели в другое, хорошо оборудованное помещение — постоянное общежитие строителей.

4

Кажется, не так уж много прошло времени, как я начала работать в бригаде Лошкаревой, но за этот небольшой срок на какие только участки стройки не бросали нас, какие только профессии мы не осваивали!.. Рубили кабель и на плечах выносили тяжелые рулоны на платформы. А сколько перетаскали камней, очищая завалы! Крупные обломки носили на руках, мелкие же грузили на носилки. Если собрать весь бетон, от которого мы очистили машинный зал и щитовую стенку, плотину и гидростанцию, то можно, пожалуй, сложить гору.

Страна еще воевала с Гитлером, успешно гнала его полчища на запад. Немного времени оставалось до того часа, когда наши пересекут государственную границу и вступят на землю фашистской Германии.

И мы здесь, теперь уже в глубоком тылу, не переставали считать себя фронтовиками. Поднять ДнепрогЭС из руин — это тоже боевой ударный фронт.

— Ань, Аня, — обратилась к Лошкаревой Нина Курило, — а когда бригаде присвоят звание фронтовой?

— Когда заслужим, — смеясь отвечает Лошкарева. — Работать надо лучше.

— А что, разве мы плохо работаем? — Нина Курило взглянула на нее с вызовом. — И так все силы отдаем.

— Это верно. Только есть бригады, которые работают лучше нас. Посмотри на своих соседей.

— А что нам для этого надо?

— Ну как бы тебе сказать? — Лошкарева на минуту задумалась. — Ну, меньше брать силой, а больше умом.

Нина Курило рассмеялась:

— Что ты, Анечка?! Нужен ли ум, чтобы ворочать камни?

— Ум нужен везде и во всем. Посмотри на Надю Сидельникову, как она работает. Чтобы даром не тратить сил, она приспособила короб и вместо одного ведра лома выволакивает пять, а то и шесть. Другие тоже что-то предпринимают, а ты... — Лошкарева осуждающе покачала головой. — А впереди сколько еще надо сделать! Будет над чем подумать. Учи.

Слушая Лошкареву, я невольно вспомнила, как наш комендант Семен Семенович Величко рассказывал о строительстве этой станции.

До сих пор в моих ушах звучит его голос:

— У шпунтовой стены среднего протока работали водолазы. В лютые морозы трое из них — Воронков, Легейда и Аниканов — уложили под водой восемнадцать тысяч мешков бетона. Этот подводный фронт был один из самых главных...

В декабре сорок третьего года на правом берегу еще держались немцы, а на левом уже разворачивались работы. Штабом фронта было дано задание инженерам составить проект вскрытия донных отверстий, чтобы спустить воду Днепра и открыть движение машин через потерну. А их скапливалось на берегу все больше и больше.

Немцы прорубили в плотине одиннадцать донных отверстий размером пять на пять метров. Через каждое такое отверстие мог свободно пройти поезд. Прорубив отверстия, немцы понизили воды верхнего бьефа реки, привели в порядок частично разрушенную плотину, снова заложили отверстия, готовились ввести в действие станцию, оживить металлургический и другие заводы, чтобы плавить сталь, отливать пушки и снаряды, наращивать мощь своих войск. Теперь, отступая, враг взорвал часть плотины, станцию, сопрягающий устьей и щитовое отделение.

Когда немцы были отброшены далеко в степь, молодой техник старший лейтенант Александр Поляков составил проект пробивки

донных отверстий. Он предлагал бурить шпур в бетоне донных отверстий, закладывать заряд и рвать их. Одновременно намечалось выполнить эту работу в десяти отверстиях.

— Тринадцатого января сорок четвертого года навели мост через Днепр,— продолжал рассказывать Семен Семенович,— установили компрессоры для бурения, с левого берега вдоль плотины нижним бьефом до конца ряда донных отверстий проложили мост на бычках.

Долго готовились к огромной и напряженной работе — вскрытию донных отверстий. Но чтобы добраться до них, нужно было прежде всего разобрать мощные завалы: обломки железобетона, изуродованные балки, взорванные машины и разбитый деррик-кран.

— Коль немцы не взорвали плотину, значит, они заминировали ее,— засомневался тогда Поляков.— Надо все делать осторожнее.

— И в этом я подозреваю левобережные отверстия,— согласился с ним командир отряда инженер-майор Березовский.— Они выглядят гораздо свежее.

— Где бы они ни были, товарищ майор, но пока мы не обнаружим заряды, вести работы нельзя.

Вскоре их предположение подтвердили немецкие пленные.

К донным отверстиям не так-то легко было добраться и не только из-за завалов, а главным образом из-за того, что повсюду затаились мины. Их находили и на станции, и на щитовой стенке. Но и старший лейтенант Поляков, и майор Березовский, и солдаты отряда умело вылавливали их. К работе приступили только тогда, когда мины были обезврежены.

Всю зиму и весну велась очистка плотины от завалов. Долго вели исследования, но зарядов найти не могли. Разбирая лед и обломки бетона, мины вдруг наткнулись на провода, ведущие в донное отверстие тридцать четвертого пролета плотины. Два жгута — металлический и резиновый — шли по низу донного отверстия, а в углу его поднимались и уходили внутрь.

Теперь работали с исключительной осторожностью. От взрыва отказались и пользовались только отбойными молотками, ломали бетон, расширяли и углубляли лаз. На глубине пяти метров обнаружили саперные мешки, набитые песком. Между ними тянулись провода, попадались и обрезки запального шнура.

— Может, провод и шнур просто маскировка, а заряд замедленно-го действия?— обратился с предположением к своему командиру старший лейтенант Поляков.— Отстужает свое время и...

— От фашистов всего можно ожидать, потому и следует торопиться,— согласился с ним инженер-майор Березовский.

Были приняты все меры предосторожности: ведь малейший толчок мешка или небрежно тронутые провода могли кончиться трагично. Наконец обнаружили минную камеру. Осветили ее электрическими фонарями. Это была «комната» площадью до пятнадцати квадратных метров и высотой до пяти. Под самым потолком сделали пролом.

Провода уходили куда-то вниз, в искусственный гранитный песок, который заполнял камеру.

Расширили лаз, осторожно выгребая песок. Работали только голыми пальцами, чтобы не натолкнуться на провод или на подрывной капсуль. Ощупывали каждую ямку, каждый комочек. Мороз был лютой, руки мерзли, пальцы кровоточили. Спустя несколько дней изнурительной работы под слоем песка показались авиационные бомбы, сложенные штабелями. Между ними немцы положили ящики с толом, чтобы, взорвавшись первыми, они мгновенно вызвали бы взрыв всех бомб. В каждом ящике было по десять — двенадцать тонн тола. Все они были соединены проволокой и детонаторами с одним главным запалом, при взрыве которого должна была сработать вся эта адская «лаборатория».

С тщательной осторожностью был очищен от песка главный запал, от которого в разные стороны расходились провода к бомбам. Но провода могли быть и внизу, натяни их — и взрыв произойдет неизбежно. Ящик стоял на штабеле бомб, засыпанный песком, и не было никакой возможности обследовать его снизу.

— Смотрите не сдвиньте! — предупредил минеров командир.

Нужно было решиться на обследование этого ящика. Но какой риск!..

— Товарищ лейтенант, отведите солдат на берег, — приказал одному из офицеров командир отряда инженер-майор Березовский. — А вы, товарищ сержант, — обратился он к Калашникову, — выстройте оставшихся здесь.

У донного отверстия стояло отделение.

— У кого есть дети, выйдите вперед, — приказал Березовский.

Строй не шевельнулся.

— У вас есть дети, товарищ сержант? — с участием спросил командир пожилого минера.

— Есть, товарищ майор, двое.

— А почему стоите в строю?

— Погибать, товарищ майор, так всем вместе. Как же без товарищей-то...

Березовский снова осмотрел ящик, сам прощупал его с дна. Проводов не обнаружилось.

— Осторожно приподнять ящик, — приказал он.

Ящик легко отделился от бомб. И у всех сразу же отлегло от сердца. Послышались шутки, смех. Появилась веселая улыбка и на лице самого командира отряда.

— Теперь вам по сто лет жить, — пошутил он.

Ящик поставили на носилки и по шатким обледеневшим «штурмовым мосткам», устроенным на плавающих трофейных бочках, отнесли далеко на берег.

После этого еще много дней и ночей выгребали песок, бережно подымали бомбы и волоком по деревянным лоткам вытаскивали

наружу, а там по наклонному желобу спускали их в лодки и отправляли на левый берег. Работа была не только тяжелая, но и по-прежнему опасная. Продолжалась она до апреля месяца. В день солдатам удавалось переправлять всего лишь четыре бомбы — не больше, а их в камере оказалось свыше ста по полтонны весом каждая.

5

Мы овладели несколькими строительными профессиями. И теперь какое бы поручение нам ни давали, с охотой выполняли его.

Как только убрали завалы, строители тут же принялись за укладку бетона в тело плотины. Право это было предоставлено тем рабочим, которые добивались большой выработки. В числе передовиков оказались и мы. По случаю такого важнейшего процесса восстановительных работ состоялся митинг. Первый кубометр бетона лег под ноги Ани Лошкаревой. Подали его из небольшой бетономешалки, так как бетонных заводов тогда еще не было. Не было и электрических вибраторов. Утаптывать этот раствор приходилось ногами.

Для бетонирования подготовили большой фронт работ. Но где для этого взять раствор? Его требовались тысячи, десятки тысяч кубометров. Назрела необходимость срочно строить бетонный завод.

Однажды начальник управления работ Правого берега Медведев вызвал к себе Лошкареву.

— Ваша бригада, Аня, называется фронтовой, — сказал он, — то есть передовая на стройке. Вот вам и карты в руки. — Указал на площадку: — Здесь надо построить бетонный завод. Конечно, не вы одни будете заниматься им... Помогут и землекопы, и плотники, и монтажники. Срок самый жесткий.

И мы снова забыли, что такое воскресные дни и отдых вообще. Площадка, короткий сон и снова площадка.

Однажды возле траншеи я впервые увидела высокого, тучного мужчину лет сорока пяти, со строгим сосредоточенным лицом. В руках он держал, перебирая, четки. Я догадалась, что это начальник Днепростроя Федор Георгиевич Логинов.

— Стены кладете ровно? — спросил он Лошкареву, улыбнувшись. — Вижу, вижу — мастера. Дома, что, каменщиками работали?

— Какие в селе могут быть каменщики, Федор Георгиевич! — Медведев засмеялся. — Да и годами они не вышли.

Логинов внимательно посмотрел на нас, поинтересовался:

— Выходит, здесь научились? Похвально.

— Девчата все на легу хватают, — не без гордости заявил Медведев. — Спросите, чего они не умеют. А вы знаете, Федор Георгиевич, они уже сейчас на мотористов готовятся. Говорят, мы строим завод, на нем нам и работать.

— Молодцы, так и надо держать. — Логинов еще раз обвел нас изучающим взглядом, спросил: — Претензии какие есть?

— Есть, Федор Георгиевич, — за всех ответила Лошкарева. — Плотники нас тормозят, не вовремя готовят фронт работ. Пошевелить их надо. А мы управимся. — И обратилась к нам: — Правильно я говорю, девчонки?

— Конечно, правильно! — хором ответили мы.

Логинов, усмехнувшись, одобрительно покачал головой и вернулся к Медведеву.

— Окрепли, девчата, приобрели навыки, — заметил он. — На них надо и смотреть по-другому, Петр Андреевич. Нужно разработать нам какой-то осязательный способ их поощрения.

И действительно, он не бросал слов на ветер. Вскоре нам увеличили хлебный паек — вместо шестисот граммов стали получать по килограмму, добавили рыбы, масла и сахара.

— И теперь делить будем? — серьезно спросила Дина Рахимова.

Мы притихли, с любопытством ожидая, что ответит Лошкарева.

— Можешь съесть сразу, Диночка, — обняв ее за плечи, засмеялась она. — Но такую краюху сразу ты и не осилишь. Сама видишь, сколько теперь у нас разной провизии.

После такого внимания со стороны начальника строительства каждой хотелось все сделать как можно лучше. Лошкарева не давала покоя ни плотникам, ни монтажникам, ни шоферам.

— Торопитесь, ребятки. Плотина ждет бетона! — призывала она строителей и сама бралась за лопату, за топор и пилу, шла на помощь к любой из нас. И несмотря на то, что на стройке были и прорабы, и начальники участков, но мне казалось, ее слушались больше, чем их.

— Аня, дело обстоит плохо, — как-то заявил каменщик, — цемента нет. Говорят, не хватает машин.

— Как это не хватает? — удивилась она. — Подожди, я попробую помочь. — И, схватив меня за руку, потащила за собой. — Оля, ты нужна.

Был конец рабочего дня, но на строительстве завода все еще кипела работа.

— Посмотрим, привезли ли цемент, — сообщила мне по пути Лошкарева. — Удивляюсь халатности людей.

Мы попутной машиной переправились на левый берег и увидели пульманы, крытые вагоны, цистерны — эшелон, вероятно, прибыл совсем недавно. Перебежав через дорогу, мы вошли в деревянную конторку и на наше счастье застали начальника участка инженера Хохлова.

— Мы с бетонного, Александр Сергеевич, — отрекомендовалась Лошкарева. — Нам нужен цемент.

— Вы с машиной? — спокойно спросил тот. — Сейчас устрою.

— Вот то-то и дело, что нет.

— Ну, тут я беспомощен чем-либо вам помочь,— развел руками Хохлов.— Сами видите, цемент есть.

— Наделаем коробов и перетаскаем.

— Что ж, на безрыбье и рак рыба,— пожал тот плечами. И добавил: — Печально, конечно, что так...

Обратно мы ехали опять на попутной машине, а как только выпрыгнули из кузова, бегом пустились к заводу.

— Голубчики! — с ходу крикнула плотником Лошкарева.— К утру вы нам сделаете три короба с полозьями? Выручайте...

— Для чего такая понадобилась спешка? Не с горки ли собрались кататься твои девчата? — пошутили плотники.

— Не с горки, а по льду днепровскому,— не приняла она шутки.— Цемент возить будем с левого берега.

— На себе?! — удивился один из плотников и предупредил: — Осторожнее будьте. Днепр — река коварная.

Слово свое плотники сдержали. Рано утром, когда мы пришли на работу, короба уже были готовы, удобные и легкие. Мы по три человека впряглись в них и стали спускаться с берега.

Загрузив цементом наши нехитрые посудины, мы с шутками и прибаутками отправились в обратный путь по уже проторенной дороге. В день мы делали по несколько ездов. Мы очень уставали, но каждый из нас был доволен тем, что строительство бетонного завода не приостанавливалось. Пока возводились стены, крылась крыша и шел монтаж оборудования, мы вместе с другими работали бетонщиками: залечивали раны на теле плотины, приводили в надлежащий вид щитовую стенку, наращивали разрушенные кромки водосливов... Дел хватало всем. Бетон мы, как правило, утапывали ногами. Это отнимало у нас много времени. Наконец на помощь пришли вибраторы. Хотя они и освободили нас от лишней траты сил, управлять ими без привычки было не так уж и легко. Однако и этот механизм мы освоили быстро.

Как-то в марте, когда закончились монтажные работы на бетонном заводе, нас вызвал к себе начальник управления работ Правого берега Петр Андреевич Медведев. В своей конторке он был не один. У окна на табуретке сидел невысокий, худощавый, с болезненным лицом мужчина лет сорока пяти.

— Ну, комсомольцы-добровольцы,— с улыбкой обратился к нам Медведев,— вы не догадываетесь, зачем пригласил вас сюда? — И, помолчав с минуту, сообщил: — Монтаж бетонного завода завершен. Работать там должны достойные люди. Мы тут посоветовались с Федором Георгиевичем Логиновым и с директором этого завода,— он кивнул в сторону незнакомца,— Басовым и решили просить вас поработать на нем. Место, как я уже сказал, достойное и важное. Ну как?

— А что мы сумеем там делать? — ответила за всех вопросом Нина Курило.— Для нас все ново...

— Это верно, что ново,— согласился Медведев.— Но не боги же горшки обжигают. Вы душки понятливые, подучим вас.— И, он посмотрел на Лошкареву.— Ну, решайтесь.

— Чего решаться-то,— твердо ответила та.— Кто-то должен на нем работать. Правильно я говорю, девочка?

— Правильно! — поддержали мы ее.

— Ну и отлично,— заулыбался Медведев.— Стройка без бетона — ничто. Учтите это...

Первые дни работать на заводе было очень трудно. Мы, приехавшие на стройку из деревень, с малых лет привыкли к тишине, пению птиц и шелесту трав. А тут грохотали камнедробилки, гудели моторы, стучали бетономешалки, шумели дозаторы. Домой возвращались оглохшими. Но бетон шел на строительные площадки непрерывно.

Как-то ко мне приехала сестра Катя. Увешанная мешками и корзинами, она перешагнула порог комнаты и остановилась. Стояла долго, ища меня взглядом, и вдруг заплакала:

— Оленька, какая же ты теперь, а?..

Она вначале, видимо, не узнала меня. Я только что вернулась со смены и стояла перед ней худая, запыленная, в грязной спецовке. Глаза после бессонной ночной работы покраснели, а лицо еще больше побледнело.

Сняв с себя ношу и путаясь в завязках, Катя торопилась достать из мешка провизию и скорее накормить меня.

— На, ешь, Оленька,— совала она мне пышки, вареные яйца, кусок сала и луковицу.

— Идите и вы к столу, девочки,— позвала я своих подруг. Но на мое приглашение никто не отозвался.

В это время в комнату вошла Лошкарева. Я бросилась к ней с укором:

— Работать вместе, мерзнуть и голодать тоже, а теперь...— И, завязав мешок с провизией, обратилась к Кате: — Не надо мне ничего. Какие же это подруги!..

Дело уладить помогла Лошкарева.

— И правда, девочки, разве можно так,— с укором покачала она головой.— К вам от чистого сердца, а вы... Нехорошо поступаете.

Осуждающие слова ее подействовали. И вскоре все мы сидели за столом и с аппетитом уничтожали привезенные сестрой припасы, подшучивая друг над другом. Катя рассказывала о селе, о родных, о полученных с фронта похоронках. Напомнила она нам и о Полине Ковш.

— Сидит дома и нос боится высунуть на улицу. Все на нее смотрят с недоверием, а некоторые с насмешкой. Сбежала, мол, испугалась трудностей.— Сестра посмотрела на меня и вдруг предложила: —

Если и тебе здесь неважно — поедим со мной. Дел сейчас в колхозе много, а людей не хватает. Да и сытнее там. Чего тут прозябать в холоде и голоде?

Ее слова меня обидели. Я отрицательно покачала головой.

— Спасибо, Катя, за заботу. Но этого от меня не жди. Я не пустыня. Начатое дело бросать не собираюсь. Передай родным — отсюда я не уеду никуда.

Катя не перебивала меня, а когда я выговорила, обняла за плечи и с участием проговорила:

— Молодец, Оля! Другого я от тебя не ожидала. Раз ты здесь нужна — трудись, чтобы не называли тебя беглянкой. А мы, родные, будем гордиться тобой.

На следующее утро, распрощавшись, Катя уехала домой. После этого мне стало как-то особенно тоскливо.

В обеденный перерыв к нам пришла Тамара Федосеева. Она тепло поздоровалась со мной, предложила посидеть на скамейке возле общежития.

— Трудно быть комсоргом? — поинтересовалась я.

— Все зависит от самой себя, — не сразу ответила она. — Если тебя эта работа интересует, то не трудно. Хочется как можно больше сделать хорошего для девочек, помочь изжить всякие неурядицы. А их хватает. Родители далеко, а у руководителей и без того дел невпроворот.

Нас всегда радовал ее приход. От нее узнавали многое, что делалось на стройке.

Как-то явилась она к нам в общежитие приодетая, веселая, а у нас случилась беда: одна из девочек потеряла талон на дневной паек.

— Не огорчайся — это дело поправимое, — постаралась успокоить ее Тамара. — Бывают дела и страшнее. Я попробую помочь тебе.

На другой день она пришла с пакетом в руке и протянула его девушке.

— Вот и беде конец, — сказала Тамара, улыбаясь. И добавила: — Не так страшен черт, как его малюют...

После ее ухода мы с любопытством распаковали сверток. В нем были хлеб, масло, сахар и маленькая записочка: «Кушай на здоровье!»

— Надо же, — покачала я головой, — не иначе, от себя оторвала. Вот человек!..

— Она же ленинградка! — заметила Даша Юрченко.

И этим все было сказано.

Настала долгожданная весна. Берега реки оделись в нежную курчавую зелень. Мы радовались солнцу, теплу, свежести оживающей земли. Но больше всего — успешному наступлению наших

войск на фронтах Отечественной войны. Сражение уже велось на улицах Берлина. Мы с волнением слушали радио, читали газеты. Близился час Победы.

Первого мая вышли на демонстрацию. Когда мы в спортивных формах стояли в строю, к нам подошел Семен Семенович.

— А-а, физкультурницы!— взволнованно произнес он.— А я не хотел будить вас в полночь...

— Что-то случилось?— насторожилась Лошкарева.— На заводе или еще где?

— Да ты не волнуйся,— успокоил ее Семен Семенович.— Вести добрые. Наши разведчики водрузили Знамя Победы над самым логовом фашистов. Скоро конец всему. Ждите в гости женихов-фронтовиков!..

С этой же вестью примчался к нам и бригадир бетонщиков Роман Хаджиев.

— Ура, сестрички!— вдруг закричал он.— Капут Гитлеру! Вот-вот победа. Сам только что по радио слышал. Дивизия генерала Шатилова ворвалась в бандитский рейхстаг и водрузила над ним алый стяг!

Мы смотрели на него, и наши глаза светились счастьем.

— А знаете, кто водрузил знамя?— продолжал он.— Русский и грузин, разведчики Егоров и Кантария. Вечные братья. Мы, грузины, испокон веков были с русскими, со своими старшими братьями. Кантария — мой земляк. Я всем расскажу эту новость!— И с той же радостью заторопился к другим демонстрантам.

А в среду, 9 мая, Дина Рахимова прибежала на бетонный завод и, стараясь заглушить грохот дробилок, крикнула:

— Девочки, победа! Родненькие вы мои, конец Гитлеру! Девочки... По радио только что... Девочки!..

И заплакала.

Мы вначале растерялись. А потом, когда смысл этих слов дошел до нашего сознания, стали обниматься и что-то кричать друг другу. Не зная, что стряслось, к нам подбежали соседи. А узнав, тоже обнимались и плакали.

— Победа!...— несло по всей стройке.

Победа и на боевом фронте, и на фронте труда. Недалек и тот час, когда и на Днепре взлетят шапки в воздух, когда и здесь будет победа!..

Когда я приехала на стройку, то вскоре заметила, что молодежь охотно бралась за работу, но не каждое дело получалось у нее. То не хватало инструмента, то задерживалась подача бетона, то не успевали наготовить арматуры. И мешало не только это. Не чувствовалось порядка в самих бригадах, не было того соперничества, которое помогало бы кого-то догонять, у кого-то учиться.

Но вот на стройке начали выпускать газету «Днипробуд» и организовали радиопередачу. Мы стали узнавать о своих соседях по работе.

Потом на стройку приехала выездная редакция «Комсомольской правды». На стенах, на стрелах башенных и порталных кранов появились красочные плакаты, призывающие строителей набирать темпы по восстановлению станции, почти каждый день выпускались «молнии», посвященные успехам той или иной бригады, призывали отстающих брать пример с передовиков производства. В выходные дни маленький коллектив редакции успевал организовывать и отдых молодежи. Наскоро сооружалась под открытым небом сцена, на ней выступали танцоры, песенники, местные поэты читали стихи, а когда наступал вечер, то начинались танцы, в воздух взлетали фейерверки. Отдохнувшими, веселыми приступали мы на другой день к работе. Чаще встречаясь, мы стали больше знать друг о друге и еще больше чувствовали себя своими в большом, спаянном воедино коллективе.

Как-то в обеденный перерыв к нам на завод заглянула мастер участка плотины комсомолка Нина Решетнева.

— Девочки,— крикнула она еще с порога,— получайте.— И протянула пачку газет, выпущенных выездной редакцией «Комсомольской правды».— Тут пишут о нашем соревновании с бригадой Гали Олейник. Считают вас настоящими мастерами своего дела.

— Теперь у нас каждый моторист управляется за двоих, а то и за троих,— пояснила ей Лошкарева.— И на бетономешалке такие же.

В газете был напечатан рассказ Роксаны Климовой о нашем соревновании с бригадой Галины Олейник и опубликован выразительный снимок ее девчат. Затем Решетнева развернула яркий цветной плакат. На нем изображена девушка на штрабовке плотины. На стремянке она висит над бездной Днепра, на головокружительной высоте. А внизу белесые жгуты воды бьются о края донного отверстия и скатываются в реку.

— Никому нас не обогнать, Нина,— рассматривая плакат, не без гордости заявила Лошкарева.— Каждый день будем наращивать темпы — так решили мы всей бригадой.— Она оглядела нас и добавила: — Они трудятся, как пчелки..

Радио и газеты помогали нам находить новых друзей, сближаться друг с другом. Часто, бывало, видишь — человек работает, а что он собой представляет, откуда его привела судьба на нашу стройку — вряд ли кто знал. Вот тут-то к нам на помощь пришли радио и газеты. Они ежедневно рассказывали нам то об одном строителе, то о другом. Особенно большую роль в этом сыграла «Комсомольская правда». Она помогла мне познакомиться с Полиной Шило, круглолицей, беленькой девушкой с большими серыми глазами. Слава о ней как о лучшей бетонщице шла по всей стройке. Бригада ее не раз выступала инициатором соревнования молодых днепростроевцев.

Вместе с именем бригадира я слышала и о бетонщице Вале

Медведь, энергичной и настойчивой в работе девушке. А потом о ней как-то надолго забыли.

Однажды я вернулась с работы усталая и, не зажигая в комнате света, разобрала постель и легла. Сквозь сон слышала радиопередачу о девушках-бетонщицах. В ней говорилось о Вале Медведь, как она в сильный ветер и стужу по узким металлическим трапам спустилась с головокружительной высоты плотины на водослив, а потом, плотно прижимаясь к стене, пошла в кромешной тьме по скользкому бетону.

— Только бы не сорваться,— шептала девушка, шаг за шагом продвигаясь вперед рядом с ревущей стихией. Никто не знал, что она пробиралась к бригаде, да и зная, вряд ли чем смог бы помочь. Стоит немного поскользнуться — и навеки бы похоронила беснующаяся пучина.

Сон с меня как рукой сняло. Сердце замирало от тревоги за судьбу девушки. Она в конце концов добралась до деревянной площадки, схватилась за нее, облегченно вздохнула.

Над донным отверстием нависал огромный дощатый козырек, в туннеле слабо горели фонари «летучая мышь». В телогрейке и ватных брюках, мокрую и застывшую встретила ее бригадир Полина Шило.

Дальше в радиопередаче говорилось о том, что Валя, еще не поправившаяся после болезни, вернулась в бригаду, чтобы помочь ей скорее закрыть донное отверстие.

Сверху, с плотины, опустилась огромная бадья, наполненная бетоном. Бригадир подхватила ее, с силой надавила на рычаг, выпуская раствор на площадку. Потом девушки лопатами погрузили его в вагонетку, и Валя покатила ее по рельсам в глубь туннеля. Там они бетонной пробкой наглухо забивали донное отверстие. Не успели они перебросать поданный бетон, как опустилась новая бадья.

— Полина,— обратилась Валя к своему бригадиру,— Маруся Гужва высокая, ей трудно там, под сводом. Разреши мне...

Валя была маленькой, верткой, а руки сильные, ловкие. Она, не дожидаясь разрешения, забралась на самый верх, под свод, и, лежа на спине, держась левой рукой за арматуру, правой брала бетон и швыряла его в отверстие. И так всю смену, до полуночи.

Небольшой радиорассказ о девушке не на шутку взволновал меня. И на второй и на третий день я оставалась под его впечатлением. «Какая же это сильная девушка,— думала я.— Еще не оправившись после болезни, вернуться в бригаду и работать как одержимая!.. На это не каждый способен...» И мысленно я похвалила автора передачи Виталия Жихарева, который так тепло и правдиво показал характер простой бетонщицы.

Меня потянуло в библиотеку. От Лошкаревой я слышала, как она с восхищением говорила о каком-то Павке Корчагине.

Выходя из библиотеки, я в дверях столкнулась с парнем, одетым в поношенную гимнастерку и такие же брюки. На голове его была

солдатская пилотка. Я хотела пройти мимо, но он остановил меня:

— Извините, что у вас за книга? — И протянул к ней руку.

Я, быть может, прошла бы мимо, но, встретившись с его заинтересованным взглядом, в свою очередь, спросила:

— А почему это вас должно интересовать?

— Знаете ли, — не сразу ответил он, — я корреспондент радиостанции «Днепр» Виталий Жихарев. Может, слышали?.. Редакция сейчас готовит передачу о духовных запросах молодых строителей. А вы, разумеется, строитель, и к тому же я, вероятно, знаю вас. Вы из бригады Ани Лошкаревой, Оля?

— Да. Я бетонщица.

— Как громко звучит — «бетонщица»! Это ведущая на стройке профессия девушек. Ведущая же профессия ребят — монтажник.

— Не всегда так. Девушек можете увидеть и на монтаже, — возразила я.

— Что значит не строитель — могу и ошибиться!

Мы вышли из помещения и повернули в парк.

— А ваша профессия, очевидно, очень интересная и вы гордитесь ею?

— Да, я люблю свою работу, но не горжусь. Приятно, когда твою статью или очерк передают по радио. Кстати, вы слышали мою зарисовку о Вале Медведь?

— Очень взволнованно вы написали о ней. Она вам нравится?

— Валя? Хорошая партизаночка, боевая.

— Она воевала с немцами? — не могла я скрыть своего удивления.

— Да, она была в отряде Ковпака, — с участием проговорил Жихарев. — Отец ее работал директором заготзерно. Пришел домой грустный и говорит: «Война, Валюша. Я иду на фронт. Ты еще мала, матери у тебя нет и остаешься одна. Держись за людей. Люди наши хорошие, не дадут в обиду. А придут немцы — берегись. Умри, а не давайся им...» Но отец был слаб здоровьем, вернули его из армии и как коммунисту приказали с тыла подрывать врага. Ушел он в лес, в партизаны. С собой взял и Валю.

Жихарев о чем-то задумался, глядя на бунтующие возле донных отверстий водяные валы.

— В лесу народа собралось много, — наконец снова заговорил он, все еще не отрывая взгляда от плотины. — Там были и мужчины, и женщины всех возрастов, и дети. Пригнали они с собою коров и овец, а некоторые прихватили и свиней. Для жилья вырыли землянки, а для скота построили загородки с навесами и начали совершать вылазки в деревни и хутора, устраивать засады на дорогах. Девочка не раз выбиралась в разведку, выслеживала немцев и сообщала отцу. Однажды она незамеченной пробралась на хутор и, вернувшись в отряд, доложила отцу, что в хуторе полицаи. «Много?» — спросил отец. «Двенадцать, не больше. Сама я их не видела. О них мне сказала одна старушка, у которой я остановилась». «А немцы есть?» «Не было.

Да и живут там одни старики». «Веди нас, Валюша. Покажешь, что там видела». Несколько мужчин и парней, вооружившись винтовками, автоматами, отправились на хутор. Партизаны ворвались в дом, в котором собрались полицейя, и почти тотчас вышли оттуда. «С предателями покончено,— сказал отец,— Спасибо, Валюша». Когда передислоцировались в брянские леса, Валя задержалась в родном селе Литвиновичи. Немцам кто-то сообщил о ней. Начался переполох, обыски. Но ее так и не нашли. Валю спрятали соседи, а как только наступила ночь, она ушла в лес. Недолго ей пришлось повоевать рядом с отцом. Вскоре она потеряла его. Он погиб в бою, спасая жителей от угона в Германию. Прислонилась девочка к стене хаты и зарыдала. Начальник отряда Сидор Артемович Ковпак погладил ее по голове и сказал: «Поплачь, поплачь, Валюша, на сердце легче станет. Отец твой, Федор Федорович, хорошим был партизаном и славным командиром. Его рота лучшая в отряде». И у самого по щеке покатила слеза.

— Сколько же ей тогда было лет? — спросила я.

— Пятнадцать. А уже изучила винтовку, карабин, автомат, метко стреляла, стояла часовым, даже участвовала в боях. Однажды немцы пытались окружить партизан, Валя израсходовала две коробки патронов, семь гранат и все же отогнала врага. Ковпак лично поблагодарил ее перед строем. Много фашистов уложили тогда наши, а сами не потеряли ни одного человека. Как-то молодые партизаны зашли в село, а там немцы. Валя была вместе с ними. Она сосчитала пулеметы, пушки, поползла в огород. Ее заметил часовой. «Халть, халть!» — закричал он, щелкнув затвором. Валя тут же бросила ему под ноги гранату. Ребята открыли огонь по другим часовым. В селе поднялась суматоха: закружились всадники, залаяли овчарки, захлопотали беспорядочные выстрелы... А партизан уже и след простыл. Узнав об этом, Ковпак пожурил их за опрометчивость. Вскоре отряд ушел на Днепр, а Валя с небольшой группой партизан осталась в лесу. Потом она заболела тифом и была отправлена в Москву. Много я мог бы еще рассказать о ней, об отряде, об отважных партизанах Марусе Калечевской, Василии Николаевиче Руднев... Они погибли в боях, как и отец Вали. Об этом я узнал от Вали и от партизан. Я выезжал на ее родину, на Сумщину. Думаю написать о ней книгу, как о смелой партизанке и отличном строителе.

Мне почему-то стало грустно. Может, потому, что я меньше сделала в войну, чем Валя Медведь.

Мы шли молча, изредка касаясь друг друга плечами. В парке было многолюдно. Мне то и дело встречались наши девчата. Они улыбались, украдкой подмигивали мне, мол, счастливая ты, какого кавалера подхватила. Только на краю парка не было ни одного человека, и стояла такая тишина, что слышался легкий шорох листьев на тополях. На верхнем бьефе заметно мрачнела вода. Солнце закатилось за крыши домов, а небо все еще оставалось расцвеченным в желтые, сиреневые, синие краски...

— Тишина и безлюдье,— заметила я. — Так обычно бывает в деревне. — И чтобы не молчать, спросила совсем о другом: — Вы были на фронте? Расскажите о нем.

Жихарев пожал плечами, вздохнул.

— Что рассказывать. Воевали, мечтали. И каждый из нас думал о мирной жизни. Я начинал под Ленинградом. Там меня ранило. После госпиталя попал под Калинин, а оттуда дотопал до Берлина. Вот вкратце моя биография той поры. Надо нам теперь делать все, чтобы подобное не повторилось.

Было видно, что Жихарев не любил вспоминать о войне. Человеку ближе то, чем он живет сейчас, что его волнует в данный момент. Этим сегодняшним жил и Виталий Жихарев, и все мы, люди мирного труда.

Вернулась я домой поздно. Девчата уже спали. Надо было рано вставать. Я быстро разделась и легла, но еще долго не могла уснуть.

7

Днем и ночью шумит наш бетонный завод: грохочут камнедробилки, гудят моторы, шуршат транспортеры, а у ворот урчат колонны автомашин, ожидая своей очереди загрузиться раствором. Чтобы залечить раны в машинном зале и на щитовой стенке, плотине и шлюзе, его нужно выработать десятки и десятки тысяч кубометров.

Иногда мы выходили из-под навеса, чтобы глотнуть свежего речного воздуха, полюбоваться щитовой стенкой, которая все больше и больше принимала свои строгие очертания и выглядела массивной и грандиозной. У ее подножия без устали трудился кран. Он едва успевал подавать одну бадью бетона за другой. Крепкие руки бетонщика Романа Хаджиева подхватывали их и тут же опрокидывали на площадку, огороженную досками опалубки.

Увидев нас, Хаджиев заулыбался, карие глаза его радостно заблестели.

— Побывал я недавно в Грузии, в своем родном селе Джарайер, там тоже знают о Днепрострое,— сообщил он. — Гордятся, что я возвожу такую станцию.

Девчата слушали и по-хорошему завидовали ему. Никто, кроме бригады Хаджиева, не укладывал бетона на участке по три, а то и по четыре нормы. Своим усердием в работе Роман подавал пример и всем членам бригады. Он ревностно относился и к качеству. Радовался, когда раствор шел крутой, вязкий. А однажды он поднял бадью, помешал в ней рукой. В массе не почувствовалось ни силы, ни крепости.

— Гони ее обратно,— крикнул он крановщице. — Песок и камни. Зачем такой?..

— А тебе-то что? — вскинулась вдруг крановщица. — Одна бадья — капля в море.

— Гони, говорю, к чертовой матери! — рассвирепел вдруг Хаджиев. — На кого работаешь? На немца работаешь?..

Крановщица хорошо знала вспыльчивый характер бригадира бетонщиков, знала и другое, что в серьезных делах он не позволяет шуток. С ним лучше не связываться.

— Вези назад! — крикнула она шоферу. — Роман признал брак. Да свали его прямо под порог этим зевакам.

Аня Лошкарева выскочила на улицу, когда бетон был выгружен возле дороги. Она побледнела: кто из бригады смог допустить такую оплошность? Всегда дело шло хорошо, и вдруг на тебе — брак. Но тут разобратся в этом помог ей сам Хаджиев.

— Аня, подвела вас бадя, — прокричал он со щитовой стенки. — Бей тревогу, сестричка. Беги к механикам.

— Нет, я сначала у шофера узнаю, как он мог так? — И она метнулась к колонне машин. Заглянула в один, другой кузов, осмотрела бады. Все они были вроде бы исправными. Раствор из них вытекать не мог. Вот только в первых двух она заметила пробоины.

— Ты что, не видишь, что бады дырявые? — накинулась она на шофера.

— А мне все равно, — усмехнулся тот. — Наше дело телячье, знай крути баранку.

— Ты думаешь, что говоришь? — еще больше вспылила Лошкарева. — Ты для кого строишь, для себя или для капиталистов?

На этом Лошкарева не успокоилась. Разыскала начальника автоколонны, задала и ему перцу, а после смены пошла на механический завод.

— Сколько должна служить бадя? — спросила она начальника цеха.

— А сколько служится, — ответил тот шуткой.

— Я не анекдоты пришла слушать. Почему бады дырявые?

— Бьют, вот потому и дырявые. Обходиться с ними следует аккуратней.

— А кто в этом повинен? Следить и ремонтировать надо. Да и варить их на совесть, а не тяп-ляп — и готово. Вот еще и до главного инженера стройки Иннокентия Ивановича Кандалова доберусь. Он вам покажет где раки зимуют!

— А вы, собственно говоря, кто такая? Уж больно раскомандовалась!..

— Бетонщица, рабочая. Как и вы, ответственная за стройку, — продолжила наступать Лошкарева. — Но вы безответственный. Если еще хоть грамм раствора вытечет, вам несдобровать. Я до обкома, до ЦК дойду. Так и знайте.

Начальник цеха хотел что-то сказать в свое оправдание, но она и слушать его не захотела, хлопнула дверью и выскочила из цеха, оставив его с недоуменно разведенными руками.

Этот случай произошел вечером, а на другой день утром Лошкарева с девушками, взявшись за ведра, носила тот бетон в бетономешалку. На помощь им тут же бросился Хаджиев.

— Ты уж извини, сестричка, я не хотел вас обидеть.

— Нет, Роман, ты правильно поступил. А бетон мы перетаскаем сами. У тебя и своих забот полно.

— За кого ты меня принимаешь, сестрица? Это не по-мужски! Мы быстро.

И с тех пор Роман Хаджиев хоть и высоко маячил на щитовой стенке, однако если на плотине возникало что-либо важное, немедленно сообщал об этом нам, на завод, условными знаками.

— Сестрица, — кричал он Лошкаревой по телефону, — встречай Андросова. К вам повернул.

Такие сообщения были для нас привычными. Секретарь Запорожского обкома комсомола Миша Андросов не раз заглядывал к нам. Мы всегда с большой радостью ждали его. На стройке о нем ходили легенды, как о герое-партизане. Он прошел вместе с Сидором Артемовичем Ковпаком от Путивля до Карпат, был его помощником по комсомолу. Валя Медведь рассказывала, что и она воевала вместе с ним.

На этот раз «эмка» была серой, запыленной. Нетрудно догадаться, что проделан дальний путь. Секретарь обкома не мог проехать мимо важных объектов.

Мы работали тогда на бетонировании сопрягающего устоя плотины, вибраторами утрамбовывали бетон. Миша Андросов заехал к нам с Логиновым. Они долго стояли у края опалубки, о чем-то разговаривали. Секретарь обкома отметил тогда, что на строительстве необходимы все звенья. Стоит нарушить хотя бы одно из них, как немедленно собьется общий ритм. Поэтому он обратил внимание начальника строительства на то, что все работы надо вести на одинаковом и притом высоком уровне.

— Это верно, — согласился Логинов. — Пока сбоев никаких нет. Будем стараться, чтобы их и не было.

— Комсомол всегда поддержит вас, Федор Георгиевич, — продолжал свою мысль Андросов. — Стройка-то молодежная.

— Главное, Миша, хотелось бы усилить работу по всей цепи, начиная с карьера и до строительных площадок, — делился с ним Логинов. — Да и поднять слаженность диспетчерской службы. Там у нас в задорных ребятах нехватка.

— Есть у нас такие ребята, — пообещал секретарь обкома. — Мы подберем вам их... Ну, а у вас как идут дела? — обратился он вдруг к Лошкаревой и протянул ей руку. — Вижу, работать научились хорошо. Бетонщики вами довольны.

— Стараемся, товарищ Андросов, — нисколько не смущаясь, ответила та. — Затем и приехали, чтобы работать как следует.

— Ну и отлично,— подбодрил ее Андросов.— Так держать и в дальнейшем!— И, взглянув на девчат, одетых в брезентовые брюки и телогрейки, улыбнулся.— На вас вся надежда!..

Как только уехал Миша Андросов, мы еще дружнее взялись за дело. Добрые слова окрыляли.

В обеденный перерыв к нам подошел мастер бетонных работ на плотине Миша Чайко.

— Был у вас секретарь обкома комсомола?— спросил он Лошкареву.— И со мной больше часа разговаривал. Душевный человек. Все про донные отверстия расспрашивал: как пробивали, как закрывали. Поинтересовался, как живем. Может, помощь нужна... О вас спросил. Говорит, вы герои из героев! Я ему обо всем подробно рассказал.

— А нам расскажешь?— спросила Даша Юрченко.

— И правда,— поддержала ее сестра Соня.— Строим, а знаем о стройке не все.

— А вам известно, для чего пробивали эти отверстия?— польщенный вниманием, спросил Миша Чайко.

— Чтобы восстановить плотину.

— Верно. После взрыва по ней трещин расплодилось столько, что не сосчитать! А каждую из них надо было залить раствором, зацементировать, иначе при напоре вода проникнет в эти щелки и развалит плотину. Ведь высота верхнего бьефа сорокаметровая, а может, даже и больше, вода давит на стену со страшной силой, забирается во всякую дырочку, своими жесткими струйками режет, как лезвием бритвы...— Чайко пытался как можно ярче обрисовать вставшую на пути могучей реки железобетонную плотину.— Донные отверстия, которые пробивали немцы, при отступлении ими же были и забетонированы. При восстановительных работах нам их надо было проламывать заново, чтобы спустить воду Днепра, облегчить напор ее на стену. Отверстия пробивали внизу плотины между верхней и нижней потернами. Это были своеобразные тоннели в плотине длиной двадцать восемь метров. Диаметр же отверстий пять на пять метров. На помощь пригласили военных. Моя бригада работала на плотине от левого берега. Перфораторами бурили шпурь, закладывали аммонал и рвали. Взрывы грохотали, как при артиллерийской канонаде.

— А мог какой-нибудь запал не сработать?— поинтересовалась я. Работа взрывника мне была знакома.

— Нас беспокоило другое. По мере приближения к выходу требовалась особая осторожность. Давление воды было фантастическим — триста тонн на каждое донное отверстие, а скорость ее вдвое превышала скорость курьерского поезда... Железобетон плотины трудно поддавался стальным бурам перфораторов. Буры накалялись, горели, их часто приходилось менять. Из-под резцов вырывалась жесткая пыль. Она окутывала бурильщиков, лезла в горло, резала

глаза, забивалась в нос и уши. Надя Левченко, казалось, задышалась, без конца чихала. Поляков, который дни и ночи был с нами, теперь ни на минуту не покидал площадку. Последнюю, самую ответственную сетку в отверстии он делал сам. Здесь требовалась особая точность. Если хотя бы один шнур будет подведен неправильно, то последний слой бетона может быть взорван не полностью, и тогда донное отверстие не сможет пропустить через себя столько воды, сколько нужно. Поэтому Поляков и не доверил последний взрыв произвести девочкам. Он сам проектировал взрывную сетку, сам ее и монтировал. Шпурь были глубокими, и как ни рассчитывала Надя, а пробурила гораздо глубже, чем положено. Вода в том месте прорвала бетон, сильной струей сбила девушку с ног, словно ножом, рассекла ей щеку и отбросила в сторону. И Поляков, и Данилович, схватив деревянный кол и обмотав его тряпкой, пытались забить отверстие. Но сделать это оказалось не так-то легко. Холодные струи воды обдавали их с ног до головы, больно хлестали по лицу и рукам. Однако отверстие было забито. Проверив, хорошо ли закреплен бикфордов шнур, они последними уходили из отверстия. Вскоре в глубине плотины послышался мощный взрыв, а за ним — глухой гул воды. Она, пенясь, с грохотом вырвалась из пробитого отверстия. — И, пригладив рукой белокурые волосы, Чайко заключил: — Совершить такое — это, девочки, все равно, что сходить врукопашную.

— А Надя работает? — спросила вдруг всегда молчаливая Валя Огородова.

— Вон она на плотине бурит.

Мы взглянули туда, куда махнул рукой Миша Чайко, и увидели на головокружительной высоте над кипучей бездной реки маленькую фигурку девушки. Нажимая на рукоятку перфоратора, она, словно чайка над волнами, покачивалась на стремянке и весело пела. Голос ее прорывался сквозь грохот и гул беснующейся у донных отверстий реки. Добунив шпур, она быстро поднялась наверх, прошла вдоль ограды и, спустившись со щитовой стенки, вскоре пробежала мимо нас к столовой. Девчата смотрели ей вслед и ласково улыбались.

— И откуда у нее такой характер? — не без зависти обронила моя землячка Мария Серая.

— Какой? — не понял ее Миша Чайко.

— Упрямый.

— А у тебя? — спросила ее, в свою очередь, Лошкарева. — А у твоих подруг по бригаде? Откуда он такой?

— Тяжело было пробивать донное отверстие, — не обратив внимания на ее замечание, продолжал свой рассказ Миша Чайко. — Закрывать же было еще сложнее. Изготовили щиты — «хлопушки». Их сконструировали инженеры Белкин, Мельниченко и Залькиндсон. «Хлопушки» подвешивались и опускались в воду на специальных тросах и блоках. Вода прижимала их к плотине и таким образом закрывала, захлопывала отверстие. Затем туда спускались водолазы

и заделывали щели: забивали их мешками с цементом, опилками и песком. Внутри же самих донных отверстий начиналась укладка бетона. А вот как закрыть те из них, которые были завалены обломками бетона и арматуры? Щит сюда уже не опустишь до конца. Он обязательно натолкнется на обломок железобетона и на металлические прутья. Что делать? Как обойти такие помехи? Опыта у нас нет, донные отверстия появились в гидротехнике впервые. Водолазам тоже не подобраться к этим обломкам, сильный поток затянет их в отверстие. И тогда был объявлен конкурс. Инженер Михаил Иванович Орел придумал особый щит с выдвигаемыми шпунтами коробочного сечения. Каждый шпунт, опускаясь, упирался в завал. На нижнем конце шпунта заделаны узкие бруски, которые закрывали более мелкие щели.— Он тут же начертил на песке схему щита.— Если такое закрытие и удалось, то не повезло Николаю Борщеву. Спустившись рано утром на десятиметровую глубину, он забросил в оставшуюся щель мешок с цементом. Еще и еще... И вдруг он застрял. Другой водолаз вернулся с разведки и сообщил, что Борщев в беде. Вместе с мешком цемента, который вырвал из рук водяной поток, засосало и его ногу. Тянули канатом, но безуспешно. «Попробуем лебедкой»,— кричали ему в микрофон с плотины. «Хоть чертом, но тащите. Холод пробирает до костей». Но и лебедка не помогла. «Не мучайте меня,— просил Борщев.— Рваните чем-нибудь раз, и дело с концом». Снова опустился к нему водолаз. Долго не было и его. Наконец, поднялся, устало снял скафандр, промолвил: «Просит рвать. Заледенел парень. И чем скорее, тем лучше...»

Девчата слушали, затаив дыхание. Нина Курило, прижав к груди руки, тихо спросила:

— Ну и что?

— Лебедкой — пытка,— продолжал свой рассказ Чайко.— Нужно было рвать только силой. Сюда приехал Данилович, приказал с другого конца плотины подогнать паропутевой кран. «Разорвем человека»,— не в шутку заволновались и инженер, и машинист крана. «Нелегко будет, а другого выхода нет. Ждать больше нельзя — погибнет». Ледяная стужа, огромное давление воды — все обрушилось на Николая Борщева. Но он держался спокойно и терпеливо. Сколько этот водолаз прошел подводных дорог, очищал Днепр от завалов и трупов, от мин и обломков железобетона, и там, где не брали груз лебедки, применял взрывчатку. А сколько ломом или киркою он дробил камней, ножницами резал арматуру, ремонтировал плотину, уплотнял шандоры. И вот... попал в западню. К нему снова уже опустились не один, а двое водолазов. Они обвили канатами ногу под самую щиколотку, дали сигнал вверх. «Крепись, дорогой, мужайся!» — услышал Борщев голос Даниловича, а вслед резкий рывок.

Сначала Николай не понял, что случилось. Почувствовал лишь, как хрустнула ступня, а потом уже заняла.

— И что же, спасли? — нетерпеливо спросил кто-то из девчат. — Он жив?

— Если бы вы видели, какой это человек! — вместо ответа проговорил Чайко. — Красавец и только. Грудь широченная, кудри черные, крупными кольцами выются, брови вразлет, а глаза добрые-добрые. Несмотря на нестерпимую боль в ноге и сочащуюся из нее кровь, он сбросил с себя стальные доспехи, попросил: «Курить!»

— А что же все-таки с ногой? — не вытерпев, спросила я.

— Николай лишился ступни... Так он стоял на одной ноге и курил. А когда санитары предложили ему носилки, чтобы отнести к машине «скорой помощи», он лишь махнул рукой: «Я сам, только поддержите немного».

8

Вместе с Болеславом Ивановичем Даниловичем к нам на бетонный как-то зашел Александр Васильевич Поляков. Высокий, худой, в больших круглых очках, он скорее походил не на прораба, а на студента-выпускника. Поздоровавшись с нами, они обошли помещение завода, заглянули в камнедробилки и дозаторы, посмотрели на машины, которые везли сырье.

— У вас сейчас перерыв? — спросили они у Лошкаревой.

— Вроде бы, — отозвалась та. — Надо девчатам немного передохнуть.

— Надо, — согласился Данилович и улыбнулся. — Обижаются на вас ребята. Говорят, не успеваем за девчатами: сколько бы ни дали им песка и щебня — все мало. — Данилович, попробовав рукой раствор, обратился к Лошкаревой: — А ты знаешь, Аня, сколько твоя бригада выдала бетона? — Он незаметно подтолкнул Полякова: мол, слушай, какие у нас на стройке девчата.

— Если не торопитесь, могу подсчитать, — оживилась Лошкарева и потянулась к журналу.

— Не надо, — остановил ее Данилович, — я так тебе скажу. Только на штыковую стенку подано пятьдесят тысяч кубометров да на плотину уже ушло более семидесяти тысяч. Но это не все. Тысяч пятнадцать еще надо будет выдать на стенку. А сколько бетона потребуется для шлюза, порта... Так что заводу вашему жить и жить, пока последний человек не уйдет со стройки. Скоро первый агрегат даст нам первый ток, и тогда дело пойдет веселее.

Данилович с увлечением рассказал нам, каким был ДнепрогЭС до войны и каким он станет теперь.

— Его энергия заливала половину Украины — Донбасс, Приднепровье, Криворожье. Она заменила работу шестнадцати миллионов человек. Работу взрослого населения нашей республики. А сколько

было сэкономлено топлива! Пятнадцать миллионов тонн каменного угля. Вы представляете, сколько это эшелонов?

Нас охватила гордость за свои дела. Станция растет на глазах и обретает свою форму. По плотине уже пошли автомобили и паровозы, в машинном зале успешно ведутся монтажные работы по установке первого агрегата, все краше становится и само здание станции. Ребята из бригады Порфирия Дегтяря топорами обтесывают глыбы розового туфа, облицовывают им стены, и они становятся красочными, словно освещенные лучами восходящего солнца. Начальник стройки Федор Георгиевич Логинов многое сделал, чтобы здание станции выделялось своей стройностью и легкостью среди всех зданий города. Глыбы розового камня по своим размерам были годны лишь для облицовки гражданских сооружений, а не массивных стен промышленных зданий. Наладить добычу туфа крупными блоками не пытались. На Днепрострое уже начали поговаривать о замене туфа бетонными плитами. Но Логинов не допустил упрощения.

— Станция должна выглядеть монументальным сооружением,— доказывал он.— Иметь собственный архитектурный облик.

И он добился своего. Туф стал поступать массивными глыбами.

— Вон она какая красавица вымахала,— кивнул в сторону поднимающегося здания Данилович.— Теперь ждите новых заданий, товарищи добровольцы. Вами последнее слово еще не сказано.

— Секретарь обкома комсомола прибыл,— сказала Нина Курило, показывая на идущего к нам Мишу Андросова.

На этот раз он был не один. Рядом с ним шагал секретарь Днепростроевского райкома комсомола Камаев. Они остановились и долго любовались розовой стеной строящегося здания, и о чем-то переговаривались между собой.

На бетонном заводе они застали и Даниловича с Поляковым.

— Наш знаменитый мастер бетонных работ,— указав на Лошкарева, произнес не без гордости Данилович.— А это ее добровольцы-комсомольцы.

— Аня Лошкарева к тому же и делегат областной комсомольской конференции,— добавил Камаев.

— Знаю, знаю,— подавая ей руку, проговорил Андросов.— С Аней мы давние знакомые. Логинов высоко ценит труд ее бригады. «Все они герои,— сказал он.— На них можно надеяться. Они всегда выручат».— И обратился с вопросом к Лошкаревой: — Думаю, на конференции вы расскажете о своих делах?

— Попытаюсь,— не сразу ответила она.— Я хотя не мастер говорить, но кое-что скажу.— Помолчав, добавила: — Буду призывать молодежь овладевать знаниями. Ленин наказывал нам учиться и учиться. Без знаний мы далеко не шагнем.

— Правильно, Аня. Стройка не вечна. Еще два-три года, а потом? Бетонщики да бурильщики уже не потребуются здесь. Станут нужны электрики, операторы, связисты... Уже сейчас всем вам нужно

получить среднее и специальное образование. Школы есть. Техникумы работают. Только не ленись!

— Мы критиковали бетонный завод левого берега за брак.— Камаев посмотрел на Даниловича.— Много подчас выдают крупных камней с песком и малой дозой цемента, а бетонный завод правого берега еще не имел брака. Аня у нас мастер.

— Вы что, получили специальную подготовку?— Андросов перевел взгляд на Лошкарёву.— Где? Здесь на стройке или...

— До всего дошли сами,— не дала ему окончить мысль Лошкарёва.— Девчата в бригаде понятливые, быстро освоили дело и стали хорошими мастерами. Одна я ничего не сделала бы.

Вот так всегда: стоит лишь завести речь о ее работе, как она тут же начинала говорить о нас.

— Что ж, Аня,— сказал Миша Андросов,— поделитесь на конференции своим опытом работы, да и о девчатах бригады расскажите побольше. Об этом всем будет интересно послушать.

Лошкарёва не успела отозваться на его слова. На завод приехал Логинов. Хмурый, немногословный, он прошел мимо колонны машин, заглянул в кузова, затем повернул на завод, осмотрел бетон и, оставшись довольным его качеством, кивнул Даниловичу.

— Если бы все такие были бетонщицы,— заметил он и усмехнулся:— Критикуют вас за левый берег. Раствор не совсем качественный даете на строительные площадки. Я думаю, им следовало бы поучиться технологии у этих вот девчат.

— Затем я и пришел сюда, Федор Георгиевич,— отозвался Данилович.— Мы уже раньше говорили об этом с Аней. Попросить бы ее прийти к нам и поделиться своим опытом.

— А может, вашим бетонщикам приехать к ним поучиться?

— Это, пожалуй, лучший вариант,— согласился Данилович.

— А обком комсомола изучит это как почин и сделает достоянием всех днепростроевцев.— Андросов взглянул на секретаря райкома.— Подумай, как лучше по данному вопросу организовать работу с молодежью. Может, провести по участкам собрания или беседы?

— Мысль хорошая,— согласился с ним Логинов.— Мы тоже поговорим об этом на оперативке. Сила молодежи в ее дружбе, любознательности. Надо разжигать ее интерес ко всему, что мы делаем.— И обратился к Даниловичу:— Помогите, Болеслав Иванович, молодежи. Соберите бригадиров, потолкуйте с ними.— Повернулся к Камаеву:— Жидковато у нас с наглядной агитацией...

К концу рабочего дня к нам нахлынули девчата-бетонщицы с левого берега.

— Жалуются на нас, что крупные камни попадают в растворе, что и сам по себе он плохой,— одним духом выпалила шустрая голубоглазая девушка.— Мы понятливые, Аня, расскажи, каким образом приготавливаете бетон вы?

Лошкарёва засмеялась. Вот так сразу и выкладывает все. Это даже

понравилось ей, значит, у девчат действительно не получается бетон какой нужен, хотя они и стараются изготовить его качественнее. Она прошла с ними по всем отделениям, дала возможность заглянуть в каждый механизм, знакомила их с шоферами, вместе с ними обсуждали вопрос о качестве. Даже поднимались на щитовую стенку, ощупывали кладку бетона. Более двух часов Лошкарева провела с молодыми бетонщицами, а проведив их, вернулась к нам и тяжело вздохнула:

— Уф, и наморилась же я с ними. Лучше камни ворочать, чем кого-то учить.

— А говорила, что они понятливые, — заметила Нина Федоренко.

— В том-то и дело, что понятливые. Засыпали вопросами — едва отбилась. Им до всего хотелось докопаться. А я что, профессор, что ли? Сама многого не знаю. Наоборот, с такими интересно, не хочешь гореть, так загорись. Возникает интерес и у самой, появляется желание как можно больше узнать, чтоб выше подняться. Дошлые девчата. Теперь у них пойдет дело, а если что — отработаю с ними смену-другую, а научу.

— Среди бетонщиц такой великой стройки не должно быть плохих, — поддержала ее Нина Курило. — А мы и без тебя, Аня, не ударим лицом в грязь.

Валя Огородова улыбнулась. Она боевая: если возьмется за дело — не отступится, пока не доведет до конца. Такие и все у нас, без исключения.

...Мы были рады, что Лошкареву избрали делегатом на областную комсомольскую конференцию. И когда вечерами мы давали наказ своему бригадиру, о чем ей рассказать на конференции делегатам, Даша Юрченко посоветовала:

— Скажи им, Аня, что мы не уйдем со стройки, пока не увидим огней от всех турбин.

И не только мы, но и тысячи парней и девушек нашей стройки готовились к конференции. Всюду были вывешены обязательства, пестрели флажки ударных вахт, красовались портреты инициаторов соревнования, листовки-«молнии» призывали снабженцев, заточников буров, рабочих механического завода полностью обеспечивать запросы строителей...

Делегаты получали наказ от своих избирателей. Всем хотелось, чтобы они заверили конференцию, что комсомольцы Днепростроя — передовой отряд молодежи — высоко пронесут честь этого отряда.

Мы волновались за подругу. Боевая она в работе, в нашей среде, а как почувствует себя там, на конференции, на которую съедутся сотни делегатов со всех концов области?

— Не теряйся, Аня, — напутствовала Лошкареву Нина Федоренко. — Скажи, что мы разобьемся, а сделаем то, что от нас требуется.

Слово надо было держать. Мы, кажется, забыли обо всем на свете,

гнали и гнали бетон. Строительные площадки были полностью обеспечены раствором.

Конференция проходила несколько дней. В обеденные перерывы и по вечерам ее часто транслировали по радио. Делегаты говорили о своих наболевших делах и давали заверения, что их коллективы будут работать еще лучше, твердо выполнять свои обязательства. Дошла очередь и до Лошкаревой. Голос ее звучал четко, взволнованно. Она говорила о том, что нами уже сделано, о радости, которую приносят строителям восставшие из пепла сооружения возрождающейся станции, и что недалек тот час, когда даст ток первая восстановленная турбина...

Дома мы ждали Лошкареву до полуночи, лежали в постелях при погашенном свете. Но только в коридоре хлопнула дверь и послышались быстрые шаги, мы все, как по команде, повскакивали со своих мест.

— Ну, что там? — первой спросила Нина Курило, едва Лошкарева переступила порог комнаты.

— Ой, девочки, и не расскажешь сразу... — устало отозвалась Аня. — В перерыве Андросов подошел, спрашивает, как работаете, как настроение. «Хорошо, — отвечаю. — Спасибо за внимание и заботу». «Ваша бригада, — спрашивает, — фронтовая?» «Была, — говорю, — фронтовая, но сейчас войны-то нет». «Нет, — возражает он, — я не согласен. Предстоит паводок, нужен, стало быть, отменный бетон. От вас, от бетонного завода, зависит качество работы всех бригад. Ваш фронт еще впереди...»

— Так и сказал? — спросила Надя Сидельникова.

— Да. Это, девочки, наше боевое задание. До паводка осталось не очень много времени, так что поработать надо в полную силу. Иначе весь труд строителей пойдет насмарку...

9

После окончания войны на стройке стали все чаще проводить интересные культурные и политические мероприятия. В клубе и красных уголках общежитий выступала художественная самодеятельность, давали концерты и читали лекции.

— Жизнь у нас, девочки, пошла куда веселее, — радовался комендант общежития Семен Семенович Величко. — Но будет еще лучше.

Мы и сами все это видели. На строительных площадках стало больше организованности и порядка. На подмогу к нам пришли фронтовики. Они показывали пример и в работе и в поведении. Многолюднее было и в клубе, и в красных уголках, и в читальнях.

Однажды, возвращаясь с работы, мы увидели на двери общежития афишу, которая извещала нас, что в клубе состоится встреча молодежи с фронтовиками.

— Такого вечера у нас еще не было, — взволнованно заметил Семен Семенович. — Тысяча четыреста восемнадцать дней шла война. Интересно послушать наших победителей. Говорят, на вечере будут и те, кто освобождал Запорожье, — волнуясь, сообщил он.

Я понимала его состояние. Лошкарева рассказывала нам, что Семен Семенович сражался за этот город и тут же, на одной из окраинных улиц, был ранен. Теперь ему, видимо, хотелось встретиться со своими однополчанами.

— А знаете, кто спас ДнепрогЭС от взрыва? — продолжал он делиться с нами. — Четверо разведчиков. Пробрались они на правый берег, под носом у немцев перерубили кабель в нескольких местах и куски его сбросили в воду. Немцы при отступлении схватились за рубильник, да поздно. — Он поправил выбившийся из кармана пустой рукав гимнастерки, добавил: — И одним из этих смельчаков был Николай Курузов, опытный минер и бывалый воин. Не знаю, жив ли он?

В клуб мы пришли с некоторым опозданием. В зале почти все места уже заняты. Говор, смех оглушили нас. Среди девчат и ребят немало парней, одетых в военные гимнастерки. Мы отыскиали в углу свободные стулья и притихли.

Прозвенел звонок, и на сцену вышел секретарь обкома комсомола Миша Андросов. За столом президиума сидели наш комендант Семен Семенович Величко, несколько парней в военной форме, ну и девчата — наши строители: Полина Шило, Паша Коробова, Валя Медведь, Аня Лошкарева...

Миша Андросов подробно, со знанием дела рассказал о битвах на фронтах Великой Отечественной войны, о самоотверженном труде в тылу. Большую часть своего доклада он посвятил взятию Берлина и капитуляции гитлеровской Германии.

— Среди героев сражений было немало и наших земляков, — заканчивая доклад, сообщил секретарь обкома комсомола. — Но не все они вернулись к мирному труду. Те, что помоложе, остались дослуживать в рядах Советской Армии, а возвратившиеся домой поделятся своими воспоминаниями.

Первое слово было предоставлено Семену Семеновичу Величко. Как хорошо он рассказывал нам в общезнании о войне, о храбрости солдат и офицеров, а теперь путался, волновался. Наконец махнул рукой, мол, все равно ничего не получается. Зал долгими аплодисментами провожал его за стол президиума. Многие знали Величко как отважного солдата и душевного человека. Видать, ему легче было воевать, чем выступать со сцены и рассказывать о своих подвигах.

За Семеном Семеновичем на сцену вышел участник штурма рейхстага сержант Петр Агарков. Сухощавый, с узким смуглым лицом и большими девичьими глазами, был по-солдатски подтянут, быстр в движениях. В нем угадывались сила и ловкость. На войне он командовал пулеметным расчетом. Из окон дома Гиммлера свинцо-

вым огнем косил гитлеровцев, закрепившихся на Кенигсплац, помогал своему полку прорваться к рейхстагу.

Сержант ярко обрисовал подвиг своих боевых друзей-пулеметчиков Кирилла Середы, Ивана Ермакова и Василия Антонова.

— Со второго этажа правого крыла мы взяли на прицел зенитные орудия гитлеровцев и точным огнем резали их расчеты, — делился он своими воспоминаниями. — Заставили замолчать четырнадцать орудий. Вместе с другими пулеметчиками, артиллеристами и автоматчиками не давали возможности вести огонь по нашим позициям и остальным тридцати восьми орудиям. Немало мои бойцы поработали и в самом рейхстаге, в котором засели эсэсовцы. Бой шел в каждом коридоре и зале, в вестибюлях и на балконах. Двое суток велась ожесточенная битва. Сотни солдат и офицеров дивизии сломили сопротивление более двух тысяч отборных головорезов и заставили их капитулировать.

Не успел Петр Агарков закончить свой рассказ о последних боях в Берлине, как девочка поднялась на сцену и преподнесла ему букеты цветов. Ромашки, петунии и гладиолусы запестрели в руках сержанта. Один из наших пареньков под баян исполнил песню «Темная ночь». Голос его звучал негромко, но проникновенно. У некоторых слушателей на глазах появились слезы.

В заключение первой части вечера передали записанное по радио на пленку сообщение о водружении Знамени Победы над рейхстагом и объявили, что об этом расскажет бывший военный корреспондент, а ныне работник местного радио Виталий Жихарев. Стоило ему выйти на трибуну, как зал замер. На стройке его знали многие и теперь ждали, что он может рассказать им о войне.

— Вам, конечно, известно, — начал Жихарев, — что на главном направлении — на Берлин наступал первый Белорусский фронт. Командовал им талантливый полководец Маршал Советского Союза Жуков. В составе фронта находилась и наша сто пятидесятая стрелковая дивизия генерал-майора Шатилова. Должен заметить, что это была не гвардейская и не какая-нибудь особая дивизия, которая занимала бы большие города или шла в авангарде войск, а самая обыкновенная. Она, как солдат-труженик, все время выполняла нелегкие черновые работы: шла степями и болотами, брала высоты и форсировала водные преграды, принимала на себя тяжелые удары гитлеровцев, прорывала самые крепкие звенья в мощных цепях позиций противника и сокрушала его, вырывалась вперед, увлекая за собой другие дивизии и войска, часто решая судьбы сражений. Так было и в Берлине. Нацелившись на центральную часть города — тесный каменный район Моабита с правительственными учреждениями, банками, мощным зданием Моабитской тюрьмы и узловой железнодорожной станцией, — она с боями переправилась через реку Шпрее и вплотную подошла к логову фашизма — рейхстагу. — Он

обвел взглядом зал и, убедившись, что его слушают с интересом, продолжал: — Штурм рейхстага начался на рассвете тридцатого апреля. Навстречу сильному огню гитлеровцев пошли роты лейтенанта Петра Греченкова, а затем и старшего сержанта Ильи Сьянова, а с ними и знаменосцы-разведчики старший сержант Михаил Егоров и младший сержант Мелитон Кантария. Атакующих поддерживала наша артиллерия из дома Гимлера и из-за Шпрее. Большую помощь им оказывали пулеметчики, в том числе и только что выступивший наш земляк сержант Петр Агарков.

Зал вдруг зааплодировал, повернув голову к сидящему за столом президиума Петру Агаркову. Когда установилась тишина, Жихарев продолжал:

— На канале перед рейхстагом знаменосцев взяли под охрану автоматчики во главе с замполитом батальона лейтенантом Алексеем Берестом. В четырнадцать часов двадцать пять минут Знамя Победы было прикреплено на средней колонне парадного подъезда рейхстага. Когда шло сражение в самом здании, оно вспыхнуло в окне первого, потом второго этажей, в три часа оно уже развевалось на крыше, на скульптуре богини победы. Фашисты градом пуль осыпали Знамя, пытаясь сбить его и знаменосцев, но группа автоматчиков отстаивала их. И только с наступлением темноты, а точнее, в десять часов пятьдесят минут вечера, Михаилу Егорову и Мелитону Кантария удалось водрузить Знамя Победы на куполе здания.

Впереди кто-то громко захлопал в ладоши, его поддержал весь зал. Аплодисменты покрыли радостные возгласы: «Слава героям! Ура!» И тут я увидела в первом ряду Романа Хаджибева. Стоя, он усердно бил в ладоши, а когда шум стал затихать, крикнул:

— Товарищи, а Мелитон Кантария — мой земляк. Я знаю его! Русский и грузин на крыше рейхстага! Наши, советские ребята!

Его слова снова заглушила буря аплодисментов.

— Но водружение Знамени — это, товарищи, еще не Победа, — заглушая шум, громко сказал Жихарев. — Загнанные в подвалы, эсэсовцы еще огрызались, но ничего не могли уже сделать с нами. Они подождгли здание, пытались хоть пожаром выкурить нас. Наши солдаты и офицеры гасили огонь и одновременно вели бой. Группа отважных пэтэровцев под командованием лейтенанта Козлова вырвалась вперед, на противоположную сторону здания, закрыла люки и подвалы, из которых раньше вылезали эсэсовские головорезы. Пламя отрезала группу от наших батальонов. Надо было как-то связываться с пэтэровцами. Сержант Петр Щербина укутался в плащ-палатку и нырнул в огонь. Задыхая от жара и дыма, он, объятый пламенем, предстал перед лейтенантом Козловым. Еще несколько часов отважный воин помогал пэтэровцам сдерживать врага, а потом вывел их к своим. Кстати, Петр Щербина — ваш земляк, запорожский.

— Знаем! — выкрикнул кто-то из зала. — Скельковский. Это сразу за Васильевкой. Отец его кузнецом работает в колхозе.

— Он за мной ухаживал, — слышался звонкий девичий голос.

В зале зашумели, засмеялись.

— Уж и ухажер! — крикнул кто-то с передних рядов.

— Не был бы герой, может, и не признала бы.

— Что вы напали на девчонку? — заступилась какая-то женщина. — Правду говорит она. Я это хорошо знаю.

Зал зааплодировал. Послышались голоса и смех. Смеялись и на сцене Миша Андросов и Петр Агарков. Виталий Жихарев кивнул отважному пулеметчику, что-то сказал ему, и они оба с симпатией посмотрели на смелую девушку. Но она не смутилась, а, взглянув на собравшихся в зале, села на свое место.

— Ты чего, Люба, обиделась? — услышался голос той же женщины. — Смеются все от души. Рады твоему знакомству с героем.

Зал снова ожил, зааплодировал. Люба, улыбаясь, тоже хлопала в ладоши.

— Счастливая, — произнес кто-то с грустью в зале. — Дождалась своего суженого. А мой без вести...

И я подумала: конец войне — это и радости и горе. Двадцать миллионов осталось лежать на полях сражений. Их уже никогда и никто не дождется.

Вечер продолжался допоздна, но интерес к нему не угасал, никто не поднялся и не покинул зал, никому не наскучил большой взволнованный разговор. Война шла тысяча четыреста восемнадцать дней, в кровавых битвах решалась судьба Родины, разве мог утомить разговор о ее героях?

После окончания вечера к нам подошли Миша Андросов, Петр Агарков и Виталий Жихарев. Лица их были возбуждены, словно они снова пережили то, о чем только что говорилось со сцены.

— У нас, Петро, есть свои герои, — заметил Андросов, обращаясь к Агаркову. — Вот познакомься, это бригадир бетонщиков Аня Лошкарева, а рядом ее девчата. — И, улыбнувшись, погрозил пальцем: — Жалуются на вас, что вы сутками пропадаете на бетонном. Забыли, что такое досуг.

— Что правда, то правда, — согласилась Лошкарева. — Сначала, вы сами знаете, на стройке людей было мало, а тем более вот таких молодцов. — И она кивнула в сторону Петра Агаркова. — Надо было трудиться за двоих — за троих, торопиться готовить фронт работ бетонщикам, монтажникам, а сейчас вы сами слышали просьбу Федора Георгиевича Логинова управиться с бетонными работами к паводку...

— Вот видишь, Петр, какая психология у наших строителей, — не без гордости заметил секретарь обкома комсомола, обращаясь к Агаркову. — Но теперь, Аня, людей много, а молодцов таких вот тем более, надо бывать и на вечерах.

— Обязательно, товарищ Андросов, но только после паводка.

Виталий Жихарев стоял позади секретаря обкома и своего

фронтowego друга. Несколько раз он взглянул на меня, но в разговор не вмешивался, соблюдал этикет. Выждав удобный момент, он лишь спросил у Лошкаревой:

— А вы витрину смотрели?

— Какую? — удивилась она.

— Фотографий штурма рейхстага. Петр нам целую коллекцию привез,— дополнил уже Миша Андросов и, подхватив под руку Лошкареву и меня, повел нас в соседнюю комнату, залитую электрическим светом.

Фотографии были любительские и небольшие, однако убедительно передавали картины героической битвы. Вот в доме Гимmlера проходит митинг. Со Знаменем Победы по Кенигсплац бегут лихие разведчики, а вот и Знамя на куполе рейхстага. Показан и общий вид этого избитого, иссеченного осколками мин и снарядов черного и страшного здания. И всюду на нем надписи, много различных надписей и на колоннах, и на стенах, и даже на потолках. А вот на одной из колонн крупными буквами написано: «Кратчайший путь в Москву — через Берлин».

С интересом рассматривали мы фотографии, и нам казалось, что в эти минуты и мы побывали в тех местах.

— А вот мы с генералом Шатиловым перед прощанием,— указал Агарков на крупный снимок. — Он спросил меня: «На свою Украину едешь, сержант?» «Да,— отвечаю,— товарищ генерал, в Запорожье». «Казак, стало быть, сечевик. Храбрые были воины. Вспомните гоголевского Тараса Бульбу... Я тоже войну начинал на Украине. А теперь по газетам слежу: гигантская стройка разворачивается на Днестре. Там, говорят, герои подобны тем, кто завоевывал Победу».

Я видела, как жадно рассматривал фотографии Семен Семенович и вздыхал. Он, очевидно, глубоко переживал свою неудачу. Ему горько было вспоминать суровые дни сражений и ранение. Семен Семенович, провожая нас в клуб, с волнением говорил, что на вечере будут и те, кто освобождал Запорожье. Но никого, вероятно, не оказалось. Так и не пришлось встретиться нашему коменданту со своими однополчанами, и чувствовал он себя как-то одиноко, не с кем было отвести душу в разговорах о прошлых днях. Мне хотелось подойти к нему и напомнить, как он когда-то подбадривал нас, девчат из общежития: «Встретитесь и вы со своими однополчанами. Они обязательно вернутся. У вас все еще впереди».

Хорошо, что этот вечер состоялся под воскресенье и можно было не торопясь обменяться впечатлениями. О чем мы только не говорили и все принимали за истину.

— А Агарков-то еще холостой. — Нина Курило улыбнулась.

— Невеста у него вроде бы в родной деревне Ильинке,— подчеркивает Дина Рахимова.

— Рассказывают, что прибыл эшелон молодых фронтовиков,— сообщила Нина Федоренко. — Гарные хлопцы. Не зевай, Фома, на то ярмарка.

Я слушала подруг и думала о большой жизни, которая вокруг нас, и мы вкладывали в нее частицы своей души. Лошкарева права: пока для нас главным остается стройка, та же плотина, к паводку надо торопиться сделать ее неприступной, как крепость, оградить от страшной силы на время притихшей реки.

10

Зима стояла лютая. Лед накрепко заковал реку, в белый иней оделась плотина. Железо, словно кипяток, обжигало руки. Девчата приплясывали возле агрегатов бетонного завода, хлопали друг дружку тяжелыми брезентовыми рукавицами, растирали щеки и нос, побелевшие от мороза, подгоняли шоферов, чтобы не задерживались с раствором.

— Быстрее, быстрее, ребята, — торопила их Лошкарева. — Вас ждут...

Шоферы, не выключая моторов, подруливали к бункеру, загружали кузова раствором и отправлялись к строительным площадкам. Они тоже торопились, понимали, что с наступлением весны хлынут на плотину воды, затопят водосливы, и закипит пена падающей реки. А значит, надо вовремя доставить раствор, чтобы успеть забетонировать все, что может преградить дорогу паводку.

Начальник управления работ Правого берега Медведев по два-три раза на день приходил на завод, заглядывал в бетономешалку.

— Ну как, товарищ Васов, — спрашивал он директора, — выдержите?

— Пока гремит завод, — отвечал ему, покашливая, Васов. — А там, Петр Андреевич, будет видно.

Вот так всегда. Не любил директор громких слов. Сначала надо сделать, а потом и говорить.

Медведев, как бы не доверяя ему, лазил по агрегатам, обходил транспортеры, осматривал моторы, следил за погрузкой раствора, интересовался подвозкой цемента, щебенки, песка. Крутился у нас допоздна.

Лошкарева иногда выходила наружу: нужно было посмотреть, не теряют ли машины раствор, перекинуться несколькими словами с бригадиром бетонщиков Романом Хаджиевым, спросить, хорош ли подан раствор, осмотреть водопровод — не замерз ли на таком лютном холоде, не лопнули трубы. Все у нее было под контролем.

А в машинном зале шел заключительный этап монтажа первой турбины: отработывалась центровка вала, завершалась сборка автоматического регулятора — весьма сложного механизма, имеющего множество самых мельчайших деталей. Она требовала особого мастерства, колоссального напряжения.

Время торопило всех. И от этого не только у нас, девушек бетонного завода, но и у всех строителей была одна главная задача: как можно

скорее пустить в ход первую турбину и дать первый электрический ток.

...И вот этот час настал. К машинному залу съехались легковые машины, многолюдно стало и на площадке, и в турбинном цехе. У конторки генераторного отделения отдыхали монтажники. Бригадир Андрей Евграфов в телогрейке, туго подпоясанный широким брезентовым ремнем с металлическими петлями и цепями, молча курил. Рядом сновали инженеры, техники, электрики, гости — все с волнением ожидали торжественной минуты пробного пуска агрегата.

Рады были такому событию и мы, бетонщики и каменотесы. Вместе мы тоже пришли сюда, чтобы стать свидетелями памятного события. Я увидела Федора Георгиевича Логинова, главного инженера строительства Иннокентия Ивановича Кандалова — председателя пусковой комиссии. Логинов, перебирая четки, то и дело посматривал на дверь, очевидно, кого-то ждал.

В зале стало тесно и шумно, много знакомых людей. Здесь и из парткома, и работники месткома профсоюза, комсомольцы и корреспонденты, инженеры со всей стройки. Вскоре вошел представитель облсполкома и, улыбаясь, стал здороваться с собравшимися. Он сразу разрядил обстановку. Люди вдруг разом заговорили, послышались шутки, смех. Некоторые то и дело посматривали на часы. Поговорив с Логиновым, представитель облсполкома взял ножницы, подошел к контрольному регулятору и осторожно перерезал белую ленточку. Шеф-монтер Акишин повернул регулятор. И все, словно по команде, глянули на часы. 17 часов 17 минут. Вал турбины начал медленно поворачиваться. В машинном зале загремели аплодисменты.

Днепрогэс начал свою вторую жизнь.

Рядом со мною стоял корреспондент «Комсомольской правды». В своем блокноте он написал: «1947 года, 17 января, 17 часов 17 минут...» Кто-то обнял Шацкого, заместителя главного инженера стройки по монтажным работам, и тихо проговорил:

— Поздравляю, Гриша!..

Шацкий нахмурился. Я не могла понять, чем он был недоволен. Вечером, вернувшись в общежитие, я спросила об этом коменданта Величко.

— Видишь ли, — пояснил Семен Семенович, — он один из тех, кто в августе сорок первого на виду у немцев вывел станцию из строя, а теперь участвовал в ее возрождении. Вот так-то...

Вскоре после пуска первого агрегата во всех газетах было напечатано сообщение ЦК комсомола Украины. В нем говорилось о том, что за выдающиеся успехи в труде и постоянное перевыполнение заданий в республиканскую Книгу почета внесены имена восемь молодых воспитателей Днепрогэса, в том числе и Лошкаревой Анны Степановны, бригадира комсомольско-молодежной бригады.

Мы бросились поздравлять Аню, но она остановила нас:

— Я без вас ничего бы не сделала. Почет не мне одной, а всей бригаде. Днепрогэс мы не просто возрождаем, а строим заново, и строим прочно, надежно — на века.

Волнуясь, я с этими мыслями шла к машинному залу на митинг по случаю ввода в действие первого агрегата. Притихли девчата. Впереди, высоко вскинув голову, гордо шагала Лошкарева. На ней дешевенькая серая одежка, стоптанные кирзовые сапоги, простенький теплый платок, но все равно она выглядела нарядной и праздничной, самой счастливой на земле. Мы рядом, тоже в куцых юбочках, надетых на теплые штаны, в сапогах или валенках. Чувствуем себя празднично.

У машинного зала играл духовой оркестр, гудели голоса, слышался смех.

С большой трудовой победой днепростроевцев поздравил председатель исполкома областного Совета депутатов трудящихся, депутат Верховного Совета СССР Пономаренко. За ним выступил главный инженер Днепростроя Кандалов. Но нас больше всего взволновала речь секретаря комитета комсомола управления работ Левого берега Людмилы Дрябовой.

— Наша стройка молодежная, — сказала она. — Посмотрите, сколько здесь нас, комсомольцев! Это их руки тугим поясом плотины перевязали реку, и нет силы, которая могла бы его разорвать. Потому что мы видим будущее. Живем для него. История золотыми буквами запишет имена героев Днепростроя — бетонщиц бригады Ани Лошкаревой, бригады Полины Шилов, цементаторов Паши Канцелярист, монтажников...

Митинг закончился, но люди еще долго не расходились. Они смотрели на огни, озарившие реку.

Это были наши огни. Огни нашей юности.

Ольга Федоровна СОЛЯНИК

ОГНИ НАШЕЙ ЮНОСТИ

Редактор Е. Ф. Олейник

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 28.05.86. Подписано к печати 06.08.86. А 00708. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,11. Усл. кр.-отт. 2,28. Тираж 80 000 экз. Изд. № 1920. Заказ № 3081.

Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

В интересах трудящихся

● Сберегательные кассы принимают от населения вклады различных видов и выплачивают по ним доход от 2% до 3,5% годовых, а также в виде выигрышей— наличными деньгами или товарами из расчета 2% годовых, в зависимости от вида вклада и срока их хранения.

● Вкладчик может выбрать ту форму хранения сбережений, какую он сочтет для себя наиболее удобной.

● В отличие от действующих новые виды вкладов дают вкладчикам ряд выгод и преимуществ:

по молодежным премиальным вкладам при выполнении определенных условий выплачивается повышенный доход — 3,5% годовых, из которых 2% ежегодно присоединяются к остатку вклада, а 1,5% выплачиваются в виде премии по вкладам, хранившимся в сберегательной кассе не менее трех лет;

по срочным вкладам с дополнительными взносами, хранившимся не менее одного года, выплачивается 3% годовых. Размер каждого дополнительного взноса должен составлять не менее 100 рублей каждый. Вкладчик имеет право получить причитающиеся ему проценты по суммам, пролежавшим на счете не менее одного года, не нарушая срочности вклада;

по денежно-вещевым выигрышным вкладам доход из расчета 2% годовых выплачивается в виде выигрышей— наличными деньгами или, по желанию вкладчика, ему выдается специальный расчетный чек для приобретения товаров повышенного спроса. Тираж выигрышей проводится 2 раза в год— в апреле и октябре.

Сберегательные кассы к Вашим услугам!

**Российское республиканское главное управление
Гострудсберкасс СССР**